

Романова, О.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / О.Н. Романова. - Минск: Амалфея, 2007. - 186 с.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СУДЕ

- 1.1. Подведомственность дел данной категории
- 1.2. Иные предпосылки права на предъявление иска по данной категории дел
- 1.3. Порядок обращения в суд

ГЛАВА 2. ЛИЦА, ИМЕЮЩИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В ИСХОДЕ ДЕЛА О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

- 2.1. Стороны по делам данной категории, рассматриваемым в общих судах
- 2.2. Стороны по делам данной категории, рассматриваемым в хозяйственных судах

ГЛАВА 3. ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

- 3.1. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию
- 3.2. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.
- 3.3. Некоторые вопросы содержания судебного решения и его исполнения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Защита прав человека на современном этапе становится одной из важнейших и первостепенных задач любого государства. Конституция Республики Беларусь объявила человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью общества и государства (ст. 2), а обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь – высшей целью государства (ст. 21).

Право на честь, достоинство и деловую репутацию занимает особое место в системе субъективных прав граждан и юридических лиц¹. Данное право, наряду с правом на жизнь, неприкосновенность личности, свободу совести, мнений, убеждений является необходимым условием устройства жизни человека в цивилизованном обществе и должно быть безоговорочно признано и охраняемо государством².

Вслед за Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (ст. 12)³, Конституция Республики Беларусь провозгласила право каждого на защиту от незаконного посягательства на его честь и достоинство (ст. 28).

В настоящее время в Республике Беларусь охрана чести, достоинства и деловой репутации осуществляется комплексно, нормами различных отраслей права⁴. Не умаляя важности уголовно-правовой, административной и других форм защиты указанных благ,

---

¹ Необходимо отметить, что точка зрения, согласно которой закон закрепляет субъективное право на честь, достоинство и деловую репутацию разделяется далеко не всеми учеными. Например, по мнению Д.М. Чечота, Р.Е. Гукасяна в норме статьи, предусматривающей защиту чести и достоинства имеется в виду защита интересов, а не субъективных прав [Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С.41-42]. «Субъективное право предполагает корреспондирующую обязанность других лиц. Но пока честь и достоинство лица не нарушены, оно не имеет права совершать какие-либо действия или требовать совершения их от других лиц» [Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве.- Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – С.20]. К такому же выводу пришли и некоторые другие ученые [Бутнев В.В. Судебная защита личных и общественных интересов в исковом производстве // Защита личных и общественных интересов в гражданском судопроизводстве: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т; Отв. ред. Р.Е. Гукасян. - Калинин, 1985.- С. 98; Рафиева Л.К. Честь и достоинство как правовые категории// Изв. вузов. Правоведение. – 1966. - № 2. - С.64].

Автор разделяет позицию тех цивилистов, которые полагают, что ст. 153 ГК устанавливает субъективное право на честь, достоинство и деловую репутацию [Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей/ М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.П. Звекон и др.– М.: Фонд «Правовая культура», 1996. – С. 5; Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1971. – С. 34, Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юристъ, 1994. - С. 18]. Сущность его заключается в праве граждан и юридических лиц на истинность распространяемой в отношении них информации. Этому праву корреспондирует обязанность всех других лиц воздерживаться от посягательств на честь и достоинство.

² Василевич Г.А. Проблемы обеспечения судами верховенства Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека // Правовая реформа у Рэспубліцы Беларусь: вопыт, праблемы, перспектывы: Тэз. дакл. навук.- практ. канф., 24-25 крас. 1997 г.: У 2 ч./ М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гродзен. дзярж. ун-т; Адк. рэд. В.В. Скітовіч. – Гродна, 1997. – Ч.1. – С. 104.

³ Общая теория прав человека / В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин и др.; Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. НОРМА, 1996. – С.1.

⁴ Необходимо отметить, что на протяжении длительного времени честь и достоинство граждан защищались лишь мерами уголовно-правового характера, что являлось явно недостаточным и подвергалось критике в юридической литературе. Гражданско-правовая охрана чести и достоинства стала возможной с принятием в 1961 году Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик [Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верхов. Совета СССР.- 1961. - №50. – Ст. 525.]

полагаем все же, что гражданско-правовая защита, осуществляемая в порядке ст. 153 Гражданского кодекса, является наиболее эффективной вследствие используемых особых способов, направленных на восстановление нарушенных благ: признание не соответствующими действительности порочащих сведений и их опровержение. Специфика гражданско-правовых способов защиты чести, достоинства и деловой репутации проявляется также в том, что они применяются независимо от вины правонарушителя.

Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации традиционно вызывают большой общественный интерес. В то же время, интерес к данной проблеме со стороны ученых в Республике Беларусь, на наш взгляд, недостаточен, хотя потребность в теоретическом осмыслении проблем, возникающих при рассмотрении и разрешении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, безусловно существует. Изучение судебной практики свидетельствует, что рассмотрение и разрешение дел указанной категории представляет для судей значительную сложность. На наш взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что нормативные акты, регулирующие защиту чести, достоинства и деловой репутации содержали и в настоящее время содержат ряд спорных положений, они требуют тщательного анализа с целью выявления имеющихся пробелов и противоречий в правовом регулировании. Изложенное показывает, что исследование проблем защиты чести, достоинства и деловой репутации в гражданском и хозяйственном судопроизводстве актуально, имеет как научное, так и практическое значение.

ГЛАВА 1

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СУДЕ.

1.1. Подведомственность дел данной категории как предпосылка права на предъявление иска в общих и хозяйственных судах.

Право на судебную защиту реализуется заинтересованным лицом с соблюдением установленного порядка (ст. 6 ГПК). Применительно к исковому производству данный порядок включает группу условий, среди которых наука гражданского процессуального права выделяет наиболее важные, получившие название предпосылок права на предъявление иска. С наличием предпосылок связывается наличие права на обращение в суд. По исследуемой категории дел более всего вопросов связано с такой предпосылкой как подведомственность дела суду.

В теории гражданского процессуального права традиционное понимание подведомственности как круга дел, отнесенных к ведению того или иного органа⁵ или свойства дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными органами⁶, претерпевает в настоящее время существенные изменения, исходя из закрепленной в Конституции Республики Беларусь (в дальнейшем – Конституция) нормы ст. 60, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод.

Исходя из анализа Конституции можно сделать вывод о том, что она обладает не только высшей юридической силой, но и имеет прямое применение на всей территории Республики Беларусь, а, следовательно, нормы о правах и свободах человека и гражданина являются действующими непосредственно⁷. Поскольку ст. 60 Конституции гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки, все, что противоречит данной норме, не может иметь юридической силы⁸.

---

⁵ Учебник гражданского процесса/ В.Н. Аргунов, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; Под ред. М.К. Треушников. - М.: Спарк, 1996.- 58; Гражданское процессуальное право России: Учеб./ А.Т. Боннер, Н.А. Громошина, Р.Е. Гукасян и др.; Отв. ред. М.С. Шакарян. – Бьлина, 1996. – С.101;

⁶ Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе: (его понятие, место и значение): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Ленингр. гос. ун-т. - Л., 1974. – С.15; Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. - М.: ПРОСПЕКТ, 1997. – С.117

⁷ Василевич Г.А. Конституционные права и свободы и проблемы совершенствования законодательства Республики Беларусь// Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 1998. - № 1. – С. 62

⁸ Василевич Г.А. Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан в Республике Беларусь// Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 1998. - № 4. – С. 59.

Исходя из вышеизложенного, многие ученые полагают, что речь в настоящее время должна идти о «всеобъемлющем праве на судебную защиту»⁹.

Вместе с тем в ГПК 1999 г., по сравнению с ГПК 1964 г., подход законодателя к решению проблемы подведомственности споров общим судам изменился, как нам представляется, в худшую сторону. В соответствии со ст. 37 ГПК круг споров, подведомственных судам общей юрисдикции, определяется исходя из

- характера спорного материального правоотношения;
- состава участников спорного правоотношения;
- отсутствия установленных в актах законодательства исключений из

подведомственности дел судам, предусматривающих отнесение таких дел к компетенции других судов или к ведению иных государственных органов, а также иных организаций (в соответствии со ст. 25 ГПК 1964 г., подобные исключения могли быть установлены только законом).

Данный подход к определению подведомственности дел искового производства признается многими учеными противоречащим конституционным нормам, гарантирующим каждому право на судебную защиту его прав и свобод, с чем следует согласиться. Так, опираясь на аналогичную по содержанию ст. 46 Конституции Российской Федерации, М.К. Треушников полагает, что с учетом данной нормы, подведомственность исковых дел можно определить методом исключения. Общим судам подведомственны все дела, за исключением тех, которые отнесены к ведению других судов¹⁰. Такого же мнения придерживаются и многие другие ученые¹¹.

Данные положения имеют важное значение и при толковании вопросов подведомственности по исследуемой категории дел.

Ст. 28 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому право на защиту от посягательства на его честь и достоинство. Механизмы реализации данного права содержатся в нормах различных отраслей права. Причем одни из них (гражданское, уголовное, административное) прямо предусматривают защиту чести, достоинства и деловой репутации

---

⁹ См., например, Василевич Г. Конституция и права граждан // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 1996. - № 3. – С.84.

¹⁰ Учебник гражданского процесса/ В.Н. Аргунов, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; Под ред. М.К. Треушникова. - М.: Спарк, 1996.- С. 59,60.

¹¹ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. –С.100; Кивель В. Защита прав человека и гражданина в гражданском судопроизводстве// Судовы весн. – 1998. - №4. –С.50.; Гражданский процесс. Общая часть.: Учеб. / под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича – Мн.: Амалфея, 2000. – С.164-165.

(ст. 153 ГК, ст.ст. 188, 189, 248, 249 УК; ст.ст. 9.2, 9.3., 11.26 Кодекса об административных правонарушениях). Другие же делают это опосредованно (например, нормы трудового права обеспечивают защиту трудовой чести граждан путем предоставления трудящемуся права требовать отмены приказа о наложении дисциплинарного взыскания, а в случае незаконного увольнения – восстановления на работе; и т.п.). Таким образом, при посягательствах на честь, достоинство и деловую репутацию могут возникнуть отношения различной отраслевой принадлежности. При желании заинтересованного лица одновременно использовать разные формы защиты возникает вопрос о возможности одновременного их применения.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь №15 от 23 декабря 1999 года «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»¹² содержится разъяснение, касающееся соотношения уголовно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой форм защиты чести, достоинства и деловой репутации: рассмотрение в отношении ответчика уголовного или административного дела о клевете или оскорблении не является препятствием к возбуждению по иску потерпевшего гражданского дела о защите чести и достоинства.

Если вопрос о применении заинтересованным лицом наряду с гражданско-правовыми, уголовно-правовых или административно-правовых мер для защиты чести, достоинства и деловой репутации решен данным постановлением положительно, то вопрос о защите указанных благ одновременно с применением ст. 153 ГК мерами опосредованно охраняющими честь, достоинство и деловую репутацию, предусмотренными иными отраслями права, не получил окончательного разрешения.

Тем не менее, опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда, и Пленума Высшего Хозяйственного Суда по вопросам о подведомственности дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, можно сделать определенные выводы о позиции высших судебных инстанций по этому вопросу. По общему правилу судебному рассмотрению подлежат требования об опровержении порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений независимо от того каким способом они распространены. Под распространением сведений следует понимать сообщение таких сведений в любой форме, в том числе устной, нескольким лицам или хотя бы одному третьему лицу: опубликование их в печати, сообщение по радио, телевидению, с использованием других средств массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, демонстрации на плакатах, стендах, световых табло и иных технических средствах стационарного размещения или передвижного характера или в иной форме (п. 7 постановления

---

¹² Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. - № 7. – С.80-83. (В дальнейшем – постановление Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года).

Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года, п. 2 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации»¹³).

В пункте 9 постановления № 15 от 23 декабря 1999 года Пленум Верховного Суда по сути не признает распространением в смысле ст. 153 ГК изложение соответствующих сведений в официальных документах. В соответствии с данным в нём разъяснением в порядке ст. 153 ГК не могут рассматриваться требования об опровержении сведений, содержащихся в судебных решениях и приговорах, постановлениях следственных и административных органов, решениях органов местного управления и самоуправления, аттестационных комиссий, постановлениях о наложении на гражданина дисциплинарного взыскания и других официальных документах, для обжалования которых законом предусмотрен иной порядок. Аналогичное правило, применительно к хозяйственному судопроизводству, содержится и в п. 2 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года.

Таким образом, случаи распространения порочащих сведений в письменной форме можно разделить на два вида, в зависимости от которых определяется подведомственность рассматриваемых споров:

- распространение сведений в официальных документах, для обжалования которых законом предусмотрен специальный порядок;
- распространение сведений в документах, порядок обжалования которых в законе не установлен.

Как следует из вышеуказанных разъяснений, суду подведомственны споры о защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в документах, для которых законом не предусмотрен иной порядок обжалования. Когда же такой порядок предусмотрен, заинтересованное лицо вправе воспользоваться лишь тем способом защиты чести, достоинства и деловой репутации, который предусмотрен соответствующими нормативными актами, и не вправе обратиться в суд в порядке ст. 153 ГК.

Оценка правильности этих разъяснений вызывает затруднения. Прежде всего, необходимо отметить, что она зависит от того, какой порядок установлен для обжалования документа, в котором содержатся порочащие гражданина или юридическое лицо сведения: судебный или несудебный. Если для документа, содержащего порочащую информацию, установлен несудебный порядок обжалования, то при предъявлении иска об опровержении сведений, содержащихся в таком документе, данное обстоятельство, на наш взгляд, во внимание судами приниматься не должно, как противоречащее ст. 60 Конституции.

---

¹³ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. - № 105. (В дальнейшем – постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года).

Сложным является вопрос о том, возможно ли предъявление иска о защите чести, достоинства и деловой репутации в тех случаях, когда сведения распространены в документах, для обжалования которых предусмотрен судебный порядок. В юридической литературе данной проблеме уделялось, на наш взгляд, недостаточное внимание и преимущественно подвергались анализу частные её случаи. Так, К.Б. Ярошенко, анализируя ситуацию, при которой может возникнуть вопрос о защите чести и достоинства в порядке ст. 153 ГК и о восстановлении на работе (например, учитель был отстранен от работы в связи с публикацией в газете, содержащей сведения о его неблагоприятных поступках), приходит к выводу, что здесь не должно быть конкуренции исков, поскольку используемые при рассмотрении каждого из них способы защиты разные. Он полагает необходимым в данной ситуации четко различать основание и предмет иска и не ставить возможность рассмотрения исков о защите чести, достоинства и деловой репутации в зависимость от целей, которые преследует заинтересованное лицо¹⁴. Такого же мнения придерживается и Т.А. Фаддеева¹⁵.

Не можем согласиться с решением, предложенным К.Б. Ярошенко. Как нам представляется, нельзя не учитывать те конкретные цели, которые преследует лицо, оспаривающее основания своего увольнения. Более того, только их выявление и анализ позволит выработать оптимальные средства для реализации этих целей. Думается, что таких целей может быть как минимум две: восстановление на работе и доведение до сведения лиц, среди которых была распространена информация об увольнении и его причинах, факта восстановления на работе. Будучи самостоятельными, они, безусловно, взаимосвязаны и в этом заключается основная проблема.

Предъявить иск об опровержении сведений, содержащихся в приказе об увольнении нельзя потому, что решение по данному делу (в случае удовлетворения иска) не просто будет предрешать результат дела о восстановлении на работе, а фактически заменять его, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 153 ГК, если сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию гражданина содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву. Иными словами, применение в данном случае ст. 153 ГК будет фактически подменять иную, предусмотренную законом для данного случая форму защиты субъективных прав, чего, как нам представляется, быть не должно.

По такому пути идет и судебная практика, отказывая в возбуждении производства по делу, т.к. фактически обжалуются мотивы увольнения, порядок обжалования которых предусмотрен трудовым законодательством.

---

¹⁴ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд.-правовая защита личных неимуществ. прав граждан. - М.: Юрид. лит., 1990. – С. 156, 157.

¹⁵ Гражданское право: Учеб.: В 2 ч. /Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.- М.: Изд-во ТЕИС, 1996. - Ч. 1. – С. 276.

Исходя из такой позиции, анализирует эту проблему Б.Т. Безлепкин, затрагивая более широкий ее спектр - защиту чести, достоинства и деловой репутации при привлечении гражданина к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности и выделяя три самостоятельных вопроса:

- право на судебное обжалование (право обжаловать в суд неправомерные действия должностных лиц в ходе самого уголовного или административного процесса);
- право на судебную реабилитацию (право обжаловать в суд итоговое обвинительное решение по уголовному делу, делу об административном правонарушении, дисциплинарном проступке);
- специальные меры восстановления чести реабилитированного гражданина¹⁶.

Б.Т. Безлепкин указывает, что верно в настоящее время и для Республики Беларусь, что специальная мера восстановления чести гражданина, применительно к рассматриваемой ситуации, предусмотрена в действующем законодательстве только в случаях оправдания подсудимого и прекращения уголовного дела. В соответствии с п. 10 Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР 18.05.1981 года)¹⁷ действующим на территории Республики Беларусь в соответствии с Законом «О применении на территории Республики Беларусь законодательства СССР» от 28 мая 1999 г.¹⁸ указанные органы в случае оправдания подсудимого и прекращения уголовного дела обязаны разъяснять гражданину порядок восстановления его нарушенных прав, а также по его просьбе в месячный срок поставить письменно в известность о своем решении трудовой коллектив или общественные организации по месту жительства. Если соответствующие сведения были опубликованы в печати, то по требованию реабилитированного гражданина, а в случае его смерти – по требованию его родственников, органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, редакция в течение одного месяца обязана сделать об этом необходимое сообщение. Если редакция газеты, журнала или иного печатного органа, несмотря на законное требование указанных лиц, не опубликует сообщение о реабилитации, то эти лица могут обратиться в суд на основании ст. 153 ГК.

Оценивая эту специальную меру защиты чести, достоинства и деловой репутации реабилитированного гражданина, автор отмечает, что она не является эффективной по нескольким причинам. Прежде всего, из-за закрепления столь важного права граждан в мало кому известной инструкции и нежелания государственных органов разъяснять гражданам их

---

¹⁶ Безлепкин Б.Т. Судебная защита чести и достоинства граждан в охранительных отношениях // Изв. вузов. Правоведение. - 1990. - № 1. - С. 34

¹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. - 1981. - N 21.

¹⁸ Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. - 1999. - N 21. - Ст. 342.

права, а также незаинтересованности редакций в публикации опровержений. В этой связи Б.Т. Безлепкин полагает целесообразным закрепить данное право граждан в Конституции, сформулировав его следующим образом: «Гражданин, обвинявшийся в преступлении, административном или дисциплинарном проступке и впоследствии в установленном порядке признанный невиновным, имеет право требовать от соответствующих органов государства и должностных лиц принять необходимые меры к восстановлению его чести. Если государственный орган или должностное лицо не выполнит соответствующей этому праву обязанности, гражданин может обратиться в суд»¹⁹.

На наш взгляд, в настоящее время в закреплении указанного права граждан непосредственно в Конституции Республики Беларусь необходимости нет, поскольку Конституция содержит общее, универсальное положение о праве каждого на судебную защиту (ст. 60). Данная норма имеет прямое действие, она должна применяться судами независимо от наличия специального нормативного акта, предоставляющего гражданину право на обращение в суд в конкретном случае. В то же время мы полагаем, что наличие ст. 60 Конституции не означает, что указание в нормативных актах на возможность судебной защиты конкретного права или охраняемого законом интереса будет излишним.

Исходя из вышеизложенного, возможны два варианта решения данной проблемы:

- предусмотреть общее правило, субсидиарное по отношению к нормам отраслей права, опосредованно охраняющим честь, достоинство и деловую репутацию;
- либо в тех отраслях права, которые косвенным образом охраняют честь, достоинство и деловую репутацию, предусмотреть специальные нормы, направленные на восстановление чести, достоинства и деловой репутации²⁰.

На наш взгляд, второй вариант решения данной проблемы является менее приемлемым, т.к. в слишком большое количество нормативных актов потребуется внести изменения. Поэтому предпочтительнее, на наш взгляд, первый вариант: предусмотреть в ст. 153 ГК норму следующего содержания:

В случае отмены в установленном порядке документа, содержащего сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, по иску заинтересованного лица суд обязывает юридическое или должностное лицо, от которого

---

¹⁹ Безлепкин Б.Т. Судебная защита чести и достоинства граждан в охранительных отношениях // Изв. вузов. Правоведение. - 1990. - № 1. - С. 38.

²⁰ Необходимо отметить, что ряд авторов в 70-е годы в целях защиты трудовой чести граждан предлагали включить в Кодекс законов о труде норму, аналогичную действующей в то время ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (См., например, Иванов С.А., Лившиц Р.З. Конституция СССР и вопросы трудового права // Сов. государство и право. - 1978. - № 4. - С. 23; Бару М.И. Охрана трудовой чести // Сов. государство и право. - 1979. - № 9 - С. 26.

исходит документ, принять меры для восстановления чести, достоинства и деловой репутации гражданина в порядке, определяемом судом.

Как нам представляется, преимущество данной формулировки состоит в том, что она охватывает не только те случаи, когда принятие оспариваемых документов связано с привлечением гражданина к юридической ответственности, но также и все другие случаи, когда для обжалования документа, содержащего порочащую информацию, предусмотрен специальный порядок.

На практике нередко возникает вопрос о том, подведомственны ли судам требования об опровержении сведений о совершении каким-либо лицом преступления. Показательным в этом смысле является пример, опубликованный в «Судовом весніке». М. в исковом заявлении о защите чести, достоинства и деловой репутации указал, что Б., Г., Г., и К. направили в Прокуратуру Республики Беларусь заявление о том, что М. якобы избил с применением оружия Б. и Г., пытался изнасиловать Г-ву и изнасиловал К. Суд вынес определение об отказе в принятии заявления на том основании, что «фактически М. ставит вопрос о соответствии действительности сведений, изложенных в заявлениях и объяснениях ответчиков, являющихся потерпевшими по уголовному делу, находившемуся в производстве следователя прокуратуры Октябрьского района г. Минска, а, следовательно, в показаниях этих лиц. Суд считает, что требования эти не могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства. Вопрос о виновности или невиновности М., соответствии действительности сведений, изложенных в заявлениях и показаниях потерпевших, будет решаться при вынесении приговора и только в порядке уголовного судопроизводства»²¹. Судебная коллегия по гражданским делам Минского городского суда отменила данное определение, указав при этом, что требования об опровержении сведений – обвинений в совершении уголовно-наказуемых деяний могут рассматриваться в порядке ст. 7 ГК 1964 года. Виновность или невиновность М. действительно подлежит установлению при рассмотрении уголовного дела, и результаты его рассмотрения будут иметь прямое отношение к установлению соответствия действительности содержащихся в заявлениях ответчиков сведений, в связи с чем, при рассмотрении гражданского спора суду надлежит обсудить вопрос о приостановлении производства по делу до рассмотрения уголовного дел²².

При ответе на вопрос о том, можно ли в порядке ст. 153 ГК опровергать сведения о совершении конкретным лицом преступления, необходимо учитывать, что данная статья не предусматривает каких-либо исключений, касающихся содержания оспариваемой информации.

---

²¹ Суд обязан и может приостановить производство по делу лишь в предусмотренных законом случаях (ст.ст. 211, 212 ГПК): Определение судеб. коллегии по гражд. делам Верхов. Суда Респ. Беларусь, // Судовы весн. – 1995. - № 4. – С. 14.

²² Там же.

Более того, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года порочащими среди прочих сведений, которые могут быть опровергнуты в порядке ст. 153 ГК, названы и такие, которые умаляют честь и достоинство гражданина в общественном мнении или мнении отдельных лиц с точки зрения соблюдения им законов. Таким образом, исходя из вышеизложенного, а также, учитывая универсальный характер права на судебную защиту, гарантированного Конституцией, можно сделать вывод о том, что в соответствии со ст. 153 ГК возможно обращение в суд с требованием об опровержении сведений о совершении преступления.

Как следует из разъяснения Пленума Верховного Суда в порядке ст. 153 ГК не могут рассматриваться научные споры, т.е. требования об опровержении сведений научного характера (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года). С данным разъяснением следует согласиться. В соответствии со ст. 60 Конституции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, отсюда следует, что неправовые споры в судебном порядке рассматриваться не должны. Научные споры относятся именно к этой категории споров. Однако на практике возникают определенные трудности при квалификации спора как научного. Так, один из районных судов г. Минска прекратил производство по делу по иску К. к З. в части признания несоответствующими действительности и порочащими его честь и достоинство следующих сведений:

- «К. самым беспардонным образом исказил историю Кронштадского мятежа 1921 г.»;
- «К. допускает вольности в исторической науке»;
- «К. публикует свои сочинения в национал-экстремистских оппозиционных изданиях Республики Беларусь»;
- «К. до сих пор подменяет научный анализ голословными заявлениями».

По мнению суда в данном случае имеет место научная полемика, которая не может быть предметом рассмотрения суда.

С подобными выводами суда трудно согласиться. Данные оспариваемые сведения являются не чем иным, как оценочными суждениями. Научным, на наш взгляд, является спор, касающийся существа научной проблемы: процессов и явлений действительности, составляющих предмет изучения науки. Если при этом высказываются суждения, оценивающие процесс работы исследователя или результаты его работы, то они при определённых условиях могут быть рассмотрены в порядке ст. 153 ГК.

При определении подведомственности дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, с учетом отнесения их к ведению только судов, встает вопрос о разграничении компетенции по их рассмотрению и разрешению между общими и хозяйственными судами.

До принятия новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса для разграничения компетенции между общими и хозяйственными судами по рассматриваемой категории дел использовалось два критерия в совокупности - субъектный состав участников спора и характер спорного материального правоотношения. Исходя из этого, в тех случаях, например, когда субъектный состав участников спора указывал на подведомственность дела о защите деловой репутации хозяйственному суду, но спор не носил экономического характера дело подлежало рассмотрению в общем суде. В качестве примера можно привести следующее дело. В хозяйственный суд г. Минска в 2001 г. поступило исковое заявление общественного объединения о защите деловой репутации к редакции одной из газет. В искомом заявлении истец просил опровергнуть распространенные ответчиком сведения, касающиеся деятельности общественного объединения в предвыборной агитационной кампании. Ошибочно приняв исковое заявление, хозяйственный суд впоследствии прекратил производство по делу на том основании, что дело неподведомственно хозяйственному суду, поскольку спор не связан с осуществлением истцом предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

С принятием новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса правовое регулирование подведомственности дел указанной категории претерпело некоторые изменения. В частности, ст. 47 ХПК установила в отношении споров о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности специальную подведомственность, суть которой состоит в том, что указанные споры рассматриваются хозяйственными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор юридические лица, организации, не являющиеся юридическими лицами, индивидуальные предприниматели или граждане. Иными словами, такие споры, по ныне действующему ХПК рассматриваются хозяйственными судами независимо от субъектного состава. Необходимо отметить, что Пленум Высшего Хозяйственного Суда в постановлении от 26 апреля 2005 г. № 16 дал иное разъяснение относительно определения подведомственности хозяйственным судам споров о защите деловой репутации. В соответствии с п. 4 указанного постановления хозяйственный суд должен руководствоваться статьями 39, 41 и 47 ХПК и учитывать субъектный состав участников спора, характерные особенности которого приведены в статье 58 ХПК. При этом, по мнению Высшего хозяйственного Суда, необходимо принимать во внимание критерии разграничения подведомственности споров между общими и хозяйственными судами. На наш взгляд, указанное разъяснение противоречит ст. 47 ХПК, в

силу прямого указания которой споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности рассматриваются хозяйственными судами независимо от субъектного состава.

Эта новелла ХПК в теории и на практике трактуется неоднозначно. Со ссылкой на ст. 47 ХПК высказываются мнения, что споры о защите деловой репутации в настоящее время отнесены исключительно к компетенции хозяйственных судов. В ведении же общих судов остались только споры о защите чести и достоинства. На наш взгляд, такая позиция не соответствует действующему законодательству. Ее сторонники опираются в своих рассуждениях на определение понятия деловой репутации, как категории, применимой только в сфере хозяйственных (экономических) отношений. Такое толкование, в частности, содержится в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации». В соответствии с п. 1 данного постановления деловая репутация - это «положительная оценка хозяйственной (экономической) деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота, формирование и поддержание которой способствует осуществлению предпринимательской деятельности». Аналогичное определение деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей дал и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь (п. 6 постановления от 23 декабря 1999 № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»).

Опираясь на данные определения в юридической литературе и на практике высказываются мнения о том, что носителями такого блага как деловая репутация являются только субъекты, занимающиеся предпринимательской, хозяйственной деятельностью. Т.е. деловая репутация – это та репутация, которая касается предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. В этой связи, юридические лица, не являющиеся субъектами хозяйствования не обладают таким благом как деловая репутации и потому не могут требовать её судебной защиты.

Близким по смыслу является утверждение авторов книги «Защита чести, достоинства и деловой репутации. Проблемы журналистики и права»²³, которые указали, что «поскольку законодатель не установил каких-либо ограничений, то деловой репутацией обладает всякое

---

²³ Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычило. Мн.: СООО «ИПА «Регистр», 2004. – С. 24.

юридическое лицо. Однако защита деловой репутации возможна только в тех случаях, когда ее ущемление влияет на осуществление предпринимательской деятельности».

Указанные позиции, на наш взгляд, не соответствуют ст. 153 ГК. В силу указанной статьи носителями такого блага как деловая репутация в равной мере являются и юридические и физические лица. При этом данная норма не делает никаких оговорок относительно вида юридических лиц (коммерческие, некоммерческие), обладающих правом на защиту деловой репутации, а также относительно статуса физических лиц (индивидуальные предприниматели, граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями). Исходя из этого, вполне правомерен вывод, что речь в ст. 153 ГК идет о возможности защиты деловой репутации юридических лиц независимо от их вида, и граждан, независимо от того, являются ли они субъектами хозяйствования. В отношении граждан такой вывод можно подтвердить ссылкой на п. 6 постановления Пленума Верховного Суда № 15, в котором дается определение деловой репутации гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, как приобретаемой гражданином общественной оценке его деловых и профессиональных качеств при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей.

В отношении защиты деловой репутации юридических лиц хотелось бы заметить следующее. Не совсем точным, на наш взгляд, являются определения деловой репутации юридических лиц, данные в упомянутых выше постановлениях Пленума Высшего Хозяйственного Суда и Пленума Верховного Суда, а именно акцент на оцениваемую сферу деятельности носителя блага (предпринимательскую, хозяйственную (экономическую)). Как уже было сказано, деловой репутацией обладают не только юридические лица - субъекты хозяйствования, но и юридические лица, не осуществляющие предпринимательской, хозяйственной (экономической) деятельности, следовательно, под деловой репутацией следует понимать оценку любой деятельности указанных субъектов (хозяйственной, экономической, общественной, политической и т.д.).

При таком понимании деловой репутации, разграничение подведомственности рассматриваемой категории дел между общими и хозяйственными судами укладывается в следующую схему.

Анализ ст. 47 ХПК позволяет сделать вывод о том, что для разграничения компетенции дел о защите деловой репутации между общими и хозяйственными судами необходимо в настоящее время использовать только один критерий - характер спорного материального правоотношения. Применительно к рассматриваемой категории дел выяснить характер спорного материального правоотношения означает проанализировать те сведения, которые распространены с точки зрения их направленности: если сведения касаются предпринимательской, иной хозяйственной (экономической) деятельности – дело подлежит

рассмотрению в хозяйственном суде, даже если одной из сторон спора будет физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем; во всех других случаях рассмотрение спора относится к компетенции общих судов, причем и в том случае, когда сторонами такого спора будут юридические лица или индивидуальные предприниматели.

Такой подход вместе с тем оставляет открытой проблему разграничения судебной компетенции по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан-предпринимателей. Исходя из ст. 47 ХПК указанные субъекты вправе обращаться в хозяйственный суд только в случае, если распространенная порочащая информация связана напрямую с осуществлением ими предпринимательской деятельности, т.е. когда в качестве объекта защиты выступает их деловая репутация в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. В случаях же распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан-предпринимателей или деловую репутацию в иной (не экономической) сфере, защита указанных благ должна осуществляться судами общей юрисдикции.

В тоже время, четко разграничить какое благо - честь, достоинство или деловая репутация - нуждается в защите в случае распространения об индивидуальном предпринимателе порочащей информации, объективно, на наш взгляд, не представляется возможным. При анализе проблемы соотношения категорий «честь», «достоинство», «деловая репутация» прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что они неразрывно связаны. Честь – это «достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы, хорошая незапятнанная репутация, доброе имя, почет, уважение»²⁴. Достоинство – это «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»²⁵. Под деловой репутацией следует понимать набор качеств и оценок, «с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в данной области»²⁶.

Из определений деловой репутации и чести следует, что они соотносятся как часть и целое. Анализ данных определений дает основание утверждать, что если сведения порочат деловую репутацию, одновременно опорочивается и честь. С другой стороны, даже если распространенные порочащие сведения не касаются напрямую профессиональной,

---

²⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов /Под ред. Н.Ю. Шведовой; Акад. наук. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – С.880.

²⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов /Под ред. Н.Ю. Шведовой; Акад. наук. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – С.180

²⁶ Малеина М.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. - 1993. - № 23-24. –С.18.

предпринимательской деятельности лица, его деловая репутация при этом всегда страдает. Таким образом, разграничить в каких случаях сведения порочат честь и достоинство физических лиц, а в каких их деловую репутацию достаточно затруднительно.

В этой связи при решении проблемы разграничения компетенции по рассмотрению и разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации индивидуальных предпринимателей между общими и хозяйственными судами необходимо, на наш взгляд, руководствоваться следующим: если лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя указывает предметом защиты честь, достоинство и деловую репутацию следует применить ч. 2 ст. 38 ГПК, в соответствии с которой при объединении нескольких связанных между собой требований, из которых одни подведомственны общему суду, а другие хозяйственному все требования подлежат рассмотрению в общем суде, если иное не предусмотрено актами законодательства (п.6 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года). При заявлении им требования о защите чести и достоинства он выступает как субъект-гражданин, защищающий свою репутацию в неэкономической сфере; деловой репутации – как индивидуальный предприниматель, соответственно с отнесением спора к ведению общего суда в первом случае и хозяйственного – во втором.

С принятием в 1999 г. нового ГК судам стали подведомственны неисковые дела о признании не соответствующими действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина и юридического лица (п. 6, 7 ст. 153 ГК).

Данные дела подлежат рассмотрению в общем суде в порядке особого производства (ст. 364 ГПК) и в хозяйственном суде в производстве по установлению фактов, имеющих юридическое значение (ст. 231 ХПК), если:

- сведения распространены;
- распространены именно в отношении заявителя - гражданина;
- порочат честь, достоинство или деловую репутацию заявителя;
- лицо, распространившее такие сведения, установить невозможно.

Последнее из перечисленных условий, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Предоставление лицу права требовать признания распространенных сведений не соответствующими действительности только в том случае, когда установить распространителя сведений невозможно, является недостаточным. Мы полагаем, что такая возможность должна быть предоставлена также в тех случаях, когда распространитель сведений, гражданин или юридическое лицо, известен заявителю, однако не может быть привлечен в процесс в связи, соответственно, со смертью или ликвидацией.

Разграничение подведомственности дел о признании не соответствующими действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина и юридического лица должно проводиться по тем же правилам, что и разграничение указанных дел, рассматриваемых в порядке искового производства.

1.2. .Иные предпосылки права на предъявление иска.

К числу иных (кроме подведомственности) предпосылок права на предъявление иска относятся:

- правоспособность истца и ответчика;
- отсутствие вступившего в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете, по тем же основаниям или определения суда о принятии отказа истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон;
- отсутствие решения товарищеского суда, принятого в пределах его компетенции по тождественному спору;
- отсутствие между сторонами договора о передаче данного спора на разрешение третейского суда;
- отсутствие решения третейского суда по тождественному спору, за исключением случаев, когда имеется вступившее в законную силу определение суда об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Поскольку в соответствии со ст. 10 ГК товарищеские суды не осуществляют защиту гражданских прав, соответствующая предпосылка права на предъявление иска по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации судьей не проверяется.

Существующие в процессуальной доктрине до настоящего времени разногласия по отдельным вопросам, оказывают влияние и на подходы законодателя к их правовому регулированию и, как следствие, вызывают затруднения в судебной практике, в частности при решении вопроса о возбуждении дела. По делам о защите чести, достоинства и деловой репутации это имеет место при установлении наличия такой предпосылки как правоспособность истца и ответчика, в связи с чем представляется необходимым остановиться на её анализе.

Поскольку граждане обладают процессуальной правоспособностью с момента рождения, данная предпосылка права на предъявление иска требует проверки только в отношении организаций. Гражданский процессуальный кодекс закрепил норму, регулиющую гражданскую процессуальную правоспособность, которую можно оценить положительно. В соответствии со ст. 58 ГПК гражданской процессуальной правоспособностью в

предусмотренных законом случаях наделяются организации, не являющиеся юридическими лицами. Таким образом, законодатель воспринял идею, давно обсуждавшуюся и нашедшую поддержку среди широкого круга ученых-процессуалистов. Однако применительно к делам о защите чести, достоинства и деловой репутации подход законодателя не изменился. В ст. 153 ГК среди субъектов, обладающих правом на защиту деловой репутации, наряду с гражданами названы юридические лица.

В настоящее время оценка процессуальной правоспособности сторон как условия наличия права на обращение в суд претерпевает существенные изменения. Некоторые авторы, ссылаясь на конституционную норму, гарантирующую каждому право на судебную защиту, утверждают, что правоспособность утрачивает такое значение²⁷. По их мнению, несмотря на то, что данное положение содержится в разделе Конституции, посвященном взаимоотношениям личности, общества и государства, оно в равной мере относится и к организациям, в том числе, и не обладающим правами юридического лица. Так, В.М. Жуйков полагает, что организациям принадлежит такое же право на судебную защиту как и гражданам, о чем свидетельствует тот факт, что все права организаций связаны с деятельностью людей и осуществлением ими своих прав (право каждого на объединение, право каждого на занятие предпринимательской деятельностью и т.д.) и, в конечном итоге, защита прав организаций сводится к защите прав людей, которая гарантирована Конституцией.²⁸

Данная позиция представляет интерес с точки зрения обоснования права организаций, не являющихся юридическими лицами, на обращение за судебной защитой. Однако мы все же полагаем, что проблема судебной защиты прав организаций, не являющихся юридическими лицами, применительно и к исследуемой категории дел, может быть решена, с учетом ст. 58 ГПК, признанием на законодательном уровне (ст. 153 ГК) указанных организаций субъектами права на деловую репутацию.

Установление наличия иных предпосылок права на предъявления иска по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, затруднений в судебной практике, как правило, не вызывает, в связи с чем, они нами не анализируются.

1.3. Порядок обращения в суд.

Порядок возбуждения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации подчиняется общим правилам возбуждения гражданских дел в суде и не имеет, на наш взгляд, существенных особенностей. Тем не менее, отдельные условия реализации права на обращение в суд по данной категории дел требуют анализа в связи с возникновением вопросов при их

---

²⁷ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. -С. 101

²⁸ Там же.

применении, а также с целью совершенствования правового регулирования. Одним из таких условий является подсудность дела.

Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации подсудны районным (городским) судам. Областные, Минский городской и Верховный суды вправе изъять любое гражданское дело из нижестоящих судов и принять к своему производству в качестве суда первой инстанции (ст.ст.44, 45 ГПК). На практике, указанные суды пользуются этим правом в случаях, когда дело представляет сложность в разрешении или большую общественную значимость. Так, Верховный Суд в свое время изымал из судов Центрального и Партизанского районов г. Минска гражданские дела о защите чести и достоинства и принимал их к своему производству в качестве суда первой инстанции в тех случаях, когда в качестве ответчика выступал глава государства.

Подсудность дел о защите чести, достоинства и деловой репутации определяется по правилам общей территориальной подсудности. В соответствии со ст. 46 ГПК иски должны подаваться по месту жительства ответчика или по месту нахождения органа юридического лица, указанному в уставе или ином учредительном документе.

В современных условиях актуальной является проблема определения подсудности дел с участием иностранного элемента. Подсудность общим судам Республики Беларусь гражданских дел по спорам, в которых участвуют иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также по спорам, по которым хотя бы одна сторона проживает за границей, определяется ст. 544 ГПК, которая не применяется, если иное установлено международными договорами или письменным соглашением сторон. Так, ст. 20 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Минске 22 января 1993 г.²⁹ и ст. 22 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Кишиневе 7 октября 2002 г.³⁰ предусматривают, что суды Договаривающейся Стороны компетентны в случаях, когда на ее территории имеет постоянное местожительство или местонахождение истец по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Дела о защите деловой репутации юридических лиц и граждан предпринимателей рассматриваются хозяйственными судами областей и приравненными к ним судами (ст. 48 ХПК). Иски по данной категории дел должны предъявляться в соответствии со ст. 49 ХПК по месту нахождения или месту жительства ответчика.

---

²⁹ Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1993.- №28. – Ст.375.

³⁰ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2003. - № 73. - 2/956.

Как и в гражданском судопроизводстве, определение подсудности дел с участием иностранного элемента в хозяйственном процессе имеет некоторые особенности. В частности, в соответствии со ст. 235 ХПК в качестве критерия определения международной подсудности впервые в национальном законодательстве названо нахождение истца по спору о защите деловой репутации на территории Республики Беларусь. При этом не исключаются и иные критерии определения компетенции хозяйственных судов по рассматриваемой категории дел, перечисленные в ст. 235 ХПК. В частности, хозяйственные суды Республики Беларусь компетентны рассматривать спор о защите деловой репутации, если

ответчик находится или проживает на территории Республики Беларусь либо на территории Республики Беларусь находится его имущество;

орган управления, филиал или представительство иностранного лица находятся на территории Республики Беларусь;

в иных случаях - при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Республики Беларусь.

В п. 1 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности предусмотрено, что компетентный суд государства-участника Содружества Независимых Государств рассматривает споры о защите деловой репутации, если на территории данного государства имеет постоянное место жительства или место нахождения истец³¹.

Как известно, гражданское дело может быть возбуждено не только по заявлению заинтересованных лиц, обращающихся в суд за защитой своего нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса, но также по заявлению прокурора и, в предусмотренных ГПК и иными законодательными актами случаях, по заявлению государственных органов, юридических лиц и граждан.

В соответствии со ст. 81 ГПК прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, а также юридических лиц и граждан. Прокурор вправе воспользоваться этим правом независимо от согласия лица, в защиту интересов которого он выступает. Изложенное правило имеет одно исключение. В соответствии со ст. 81 ГПК в редакции Закона от 9 июля 1999 г. заявление о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь подается в суд Генеральным прокурором Республики Беларусь,

---

³¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1993, N 18, ст. 207.

прокурорами областей, города Минска, приравненными к ним прокурорами с согласия Президента Республики Беларусь, т.е. право прокурора на возбуждение дела в этом случае ставится в зависимость от согласия лица, в интересах которого оно возбуждается.

В хозяйственном процессе для возбуждения дела прокурором необходимо согласие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц, в интересах которых прокурор обращается в суд (ст. 66 ХПК).

С принятием ГПК 1999 г., можно говорить о расширении круга субъектов, имеющих право от своего имени обращаться в суд с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации других лиц. Так, анализ ст.ст. 85, 87 ГПК позволяет сделать вывод о праве государственных органов, юридических лиц и граждан предъявить иск от собственного имени в защиту прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних, а также недееспособных лиц по любой категории дел (для граждан исключение составляют дела, перечисленные в п.п. 1-3 ст. 85 ГПК). Можно допустить, что предоставление перечисленным субъектам столь широких полномочий по возбуждению дел в защиту недееспособных послужит дополнительной гарантией права на судебную защиту лицам, неспособным осуществлять это право самостоятельно. Необходимость же введения такого положения применительно к несовершеннолетним вызывает сомнения, в особенности учитывая, что иски в защиту таких лиц могут предъявляться без их просьбы или согласия (ч. 2 ст. 88 ГПК). Автор придерживается мнения, что сугубо личный характер защищаемого права предполагает недопустимость расширения круга субъектов, имеющих право возбуждать дела в защиту интересов носителя блага. Поэтому, мы полагаем, что иски по исследуемой категории дел в защиту интересов несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет вправе предъявлять только его законные представители, а несовершеннолетним от 14 до 18 лет должно быть предоставлено право самостоятельного обращения в суд.

Установленный порядок обращения в суд включает в себя также соблюдение требований к форме и реквизитам искового заявления. Исковое заявление по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, подаваемое в суд общей юрисдикции³² должно соответствовать требованиям, установленным ст. ст. 109, 243 ГПК. В частности, в соответствии с пунктами 1,2 ст. 243 ГПК в исковом заявлении должны быть указаны точное обозначение

---

³² На наш взгляд, вопрос о форме и реквизитах искового заявления о защите деловой репутации какой-либо специфики в хозяйственном процессе по сравнению с гражданским не имеет. В этой связи вопрос будет излагаться только применительно к судам общей юрисдикции.

требований истца (предмет иска, т.е. способы защиты чести, достоинства и деловой репутации³³) и факты, которыми истец обосновывает свои требования (основание иска).

Что касается предмета иска, то следует отметить, что законодатель предусматривает несколько способов защиты чести, достоинства и деловой репутации, о применении которых может просить истец в исковом заявлении. Основным из них в силу ст. 153 ГК является опровержение порочащих, не соответствующих действительности сведений (применительно к статье 11 ГК речь идет о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права (п. 2 указанной статьи)). Кроме того, как следует из п. 2 ст. 151 ГК при защите нематериальных благ могут быть использованы способы защиты гражданских прав, указанные в ст. 11 ГК в случаях и в пределах, в каких использование данных способов вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Такими способами защиты, соответствующими специфике (сущности) субъективного права на честь, достоинство и деловую репутацию, на наш взгляд, являются:

- признание сведений не соответствующими действительности;
- пресечение действий, нарушающих право (например, ликвидация порочащей информации, размещенной на плакатах, стендах, табло и иных средствах размещения, замена или отзыв документа).

Признание сведений не соответствующими действительности используется в настоящее время в качестве способа защиты чести, достоинства и деловой репутации, прежде всего, в особом производстве. Однако и в исковом производстве истец также, на наш взгляд, может просить суд ограничиться в судебном решении констатацией несоответствия порочащих сведений действительности, не возлагая на ответчика обязанности их опровергнуть. В судебной практике подобные решения встречаются довольно часто.

Необходимо отметить, что и в теории и на практике нередко происходит смешение способов защиты чести, достоинства и деловой репутации. Распространенной является точка зрения, согласно которой замена или отзыв документа являются разновидностями или способами опровержения. Однако при удовлетворении требований об опровержении применяется такой способ защиты гражданских прав как восстановление положения, существовавшего до правонарушения. Думается, что к нему нельзя отнести такие действия как замена или отзыв документа. Подобные действия являются типичным, на наш взгляд, пресечением действий, нарушающих права или создающих угрозу его нарушения, а, следовательно, дополнительными по отношению к основному способу, указанному в ст. 153 ГК

---

³³ Автор поддерживает мнение ученых процессуалистов, полагающих, что предметом иска как требования о защите нарушенного или оспоренного права либо законного интереса является способ его защиты. См., например, Осокина Г.Л. Иск. (теория и практика). М., 2000. С 118.

– опровержению. Это означает, что в случаях, когда истец добивается опровержения распространенных в отношении него сведений, ограничиться лишь заменой или отзывом документа нельзя.

В соответствии с п. 5 ст. 153 ГК наряду с вышеперечисленными способами защиты истец вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением несоответствующих действительности и порочащих его честь и достоинство сведений. Кроме того, в случае распространения подобных сведений в средствах массовой информации, заинтересованное лицо может воспользоваться таким способом защиты как опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (п. 3 ст. 153 ГК, ст. 42 Закона «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г.).

Следует отметить, что в исковом заявлении может быть указан как один из предусмотренных законодательством способов защиты чести, достоинства и деловой репутации, так и несколько, причем в различном сочетании.

Соблюдение п. 1 ст. 243 ГПК, а именно необходимость точного обозначения в исковом заявлении требований истца, применительно к делам о защите чести, достоинства и деловой репутации означает не только указание на способ защиты указанных благ, но также необходимость указания тех сведений, которые по мнению истца порочат его честь, достоинство и деловую репутацию. В этой связи следует отметить, что довольно распространенным в судебной практике является оставление искового заявления без движения с формулировкой «исковые требования не конкретизированы». На этом основании судьи оставляют заявление без движения, в частности, в тех случаях, когда истец вообще не указывает какие именно сведения он просит опровергнуть, (например, по одному из дел истец просил признать не соответствующими действительности «все сведения», содержащиеся в указанной им статье газеты) либо в тех случаях, когда истец не цитирует распространенные сведения, а пересказывает их своими словами (в качестве примера можно привести следующий отрывок из искового заявления: «публикуя в статье сведения о том, что мы выбили дверь в комнате брата, оскорбительно обозвали его, газета унизила наши честь и достоинство...»). Во всех этих случаях, оставляя заявление без движения судьи добивались от истца цитирования в исковом заявлении тех фраз, которые он просит опровергнуть.

Полагаю, что такую практику следует признать правильной. Действительно, в тех случаях, когда истец пересказывает своими словами распространенные ответчиком сведения, о точном обозначении требований говорить не приходится. Однако, в некоторых случаях судьи на этот недостаток искового заявления на стадии возбуждения производства по делу не реагируют и обязывают истца конкретизировать иски на стадии судебного разбирательства. Кроме того, что действия судей в этом случае, как мы уже отметили,

противоречат п. 1 ст. 243, ст. 248 ГПК существенно, на наш взгляд, затрудняется защита ответчика против иска в данном судебном заседании, поскольку для формирования позиции по делу зачастую важно каждое слово в опровергаемой информации, а ответчик может быть не готов выдвигать свои соображения по поводу названных (конкретизированных) истцом фраз. В таких случаях ходатайство ответчика об отложении дела должно быть, на наш взгляд, удовлетворено.

Кроме точного обозначения требований, истец в исковом заявлении должен указать факты, которыми он обосновывает свои требования (п. 2 ст. 243 ГПК), т.е. основание иска. В основание иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, в соответствии со ст. 153 ГК, входят следующие юридические факты:

- распространение сведений;
- порочащий характер сведений;
- несоответствие сведений действительности.

В силу п. 3 ст. 243 ГПК истец должен в исковом заявлении указать доказательства, подтверждающие каждый из упомянутых фактов. Применительно к делам о защите чести, достоинства и деловой репутации данное требование к содержанию искового заявления имеет свою специфику, обусловленную действием доказательственной презумпции (так называемой, «презумпции добропорядочности»), установленной в ст. 153 ГК. В соответствии с ч.1 указанной статьи сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию граждан или юридических лиц подлежат опровержению в судебном порядке, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Исходя из этого, истец не обязан указывать в исковом заявлении доказательства, подтверждающие факт несоответствия распространенных сведений действительности. Истец должен лишь сослаться на этот факт, поскольку он входит в основание иска. При этом он не лишается права представлять доказательства несоответствия действительности сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»).

Изучение судебной практики показывает, что судьи не всегда учитывают эту особенность содержания искового заявления по рассматриваемой категории дел. Так, по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации, рассмотренному в одном из районных судов г. Минска судья оставил исковое заявление без движения на том основании, что «истцом не приложены доказательства, свидетельствующие о том, что распространенные сведения не соответствуют действительности (характеристики, материалы проверки, судебные постановления и т.д.)». На наш взгляд, действия судьи незаконны сразу по нескольким

причинам. Прежде всего, в нарушение ст. 153 ГК на истца была возложена обязанность доказать факт несоответствия действительности распространенных в отношении него сведений. Кроме того, ГПК содержит исчерпывающий перечень оснований к оставлению заявления без движения, предусмотренный ч. 1 ст. 111 (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2001 г. № 7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции»³⁴). В этот перечень не входит такое основание, как не приложение к исковому заявлению доказательств. Ст. 243 ГПК, требования которой по мнению судьи, не соблюдены, не обязывает истца прилагать доказательства, подтверждающие факты основания иска, а требует лишь указания на них в исковом заявлении.

Установление факта соблюдения иных условий реализации права на предъявления иска по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, затруднений в судебной практике, как правило, не вызывает, в связи с чем, они нами не анализируются.

---

³⁴ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. - № 68. - , 6/298

ГЛАВА 2

ЛИЦА, ИМЕЮЩИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В ИСХОДЕ ДЕЛА О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

2.1. Стороны по делам данной категории, рассматриваемым в общих судах

Исследование данной категории дел, как впрочем, и любой другой, невозможно без определения, прежде всего, круга тех лиц, права и законные интересы которых являются предметом судебной защиты и которые в силу этого занимают в деле положение сторон. Стороны – центральные фигуры любого гражданского дела искового производства, однако, действующее гражданское процессуальное законодательство не определяет понятие сторон в процессе. В то же время без уяснения содержания используемых категорий, их сущности, невозможно правильно определить правовое положение юридически заинтересованных лиц по конкретным категориям дел.

В юридической литературе вопрос о понятии сторон в гражданском процессе является дискуссионным. В данной работе мы будем исходить из определения, отражающего, на наш взгляд, наиболее существенные их признаки: стороны - «это участвующие в гражданском деле действительные или предполагаемые субъекты материального правоотношения, между которыми возник спор о праве или взаимоотношения которых в силу закона могут быть урегулированы только в судебном порядке, и имеющие в деле материально-правовой и процессуальный интерес»³⁵.

Определение юридически заинтересованных в исходе дела лиц по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации также является предметом дискуссии в научной литературе. Сложность при определении круга указанных лиц предопределяется, прежде всего, такой спецификой объекта защиты, как его способность изменяться под воздействием не только поведения собственно носителя данного блага, но и под воздействием поведения других лиц. Данное свойство таких благ как честь, достоинство и деловая репутация является, на наш взгляд, очевидным, в особых доказательствах не нуждается, и именно оно напрямую связано с проблемой определения процессуальной легитимации истца.

---

³⁵ Мельников А.А. Проблема законодательного закрепления понятия сторон в гражданском судопроизводстве // Совершенствование законодательства о суде и правосудии: Сб. ст. / Акад. Наук СССР, ин-т государства и права; Отв. ред. В.М. Савицкий. - М., 1985. – С. 138.

В соответствии с п. 1 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Юридическое лицо вправе требовать опровержения по суду сведений, порочащих его деловую репутацию (п. 7 ст. 153 ГК). Из данной нормы можно сделать вывод, что ответчиком по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации является лицо, распространившее порочащие сведения, но о том, кто может занять положение истца сделать определенный вывод, как показывает изучение литературных источников и судебной практики, оказалось затруднительным. В судебной практике в процессе применения данной статьи возникают определенные трудности при решении вопроса, имеется ли непосредственная юридическая заинтересованность у лиц, полагающих, что их честь, достоинство и деловая репутация нуждаются в защите и обращающихся в связи с этим в суд, хотя порочащие сведения распространены не о них, а о других лицах.

Возможность предъявления заинтересованными лицами подобных исков при отсутствии прямого упоминания о них в оспариваемых сведениях признается не всеми учёными³⁶. Ряд авторов, считая необходимым расширительно толковать норму статьи, предусматривающую защиту чести, достоинства и деловой репутации, полагают, что буквальное её толкование даёт основание для вывода о том, что требовать опровержения порочащих сведений вправе лишь граждане и организации, в отношении которых сведения распространены³⁷. На наш взгляд, из ст. 153 ГК данный вывод не вытекает, т.к. в ней не указывается, что право на защиту чести, достоинства и деловой репутации возникает при наличии одновременно двух условий: 1. сведения должны порочить гражданина и 2. быть распространенными в отношении него. Следовательно, любое лицо, для которого распространение порочащих сведений имело определённые негативные последствия, должно признаваться надлежащим истцом.

Разъяснение по этому спорному вопросу содержится в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года, в соответствии с которым «исковые требования об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, могут быть заявлены лицом, сведения о котором распространены, а также родственниками этого лица, если такие сведения прямо или косвенно порочат их честь, достоинство или деловую репутацию». Таким образом, Пленум Верховного Суда ограничивает круг лиц, имеющих право требовать

---

³⁶ Белявский А.В. Судебная защита чести и достоинства. - М.: Юрид. лит., 1966. - С.20.

³⁷ Николаев С. Лица, участвующие в делах по спорам о защите чести и достоинства // Рос. юстиция. - 1985. - № 4. - С. 42; Ярошенко К.Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан // Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства. - М., 1989. - Вып. 43. - С. 79.

опровержения порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию сведений, распространенных в отношении других лиц (живых), через понятие «родственники».

В данном разъяснении Пленум Верховного Суда, на наш взгляд, необоснованно сузил круг лиц, имеющих право возбуждать дела о защите своих чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащей информации о других лицах. Как справедливо отмечается в литературе, сущность человеческих отношений не всегда определяется родством. Трудно сказать, почему любая степень родства с лицом, в отношении которого сведения распространены, даёт основание другому лицу требовать защиты своих чести, достоинства или деловой репутации, а, например, дружеские отношения - нет. На несправедливость данного правила неоднократно обращалось внимание в литературе. Так, Ю.В. Молочков писал, что заинтересованными лицами по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются не только родственники лица, в отношении которого сведения распространены, но и другие его близкие: наследники, соавторы, коллеги по работе, партии, движению и иные лица. «Их перечень открыт, а границы его определяются лишь действительным интересом, достаточную степень которого определяет суд при рассмотрении дела о защите репутации по существу»³⁸. Данной точки зрения придерживаются и некоторые другие авторы³⁹. На наш взгляд, с ними следует согласиться. Не вызывает сомнения, что близкие отношения между людьми, при которых их репутации способны взаимно влиять друг на друга, возникают не только между родственниками, но и между друзьями, коллегами по работе и т.п. Поэтому ограничивать круг заинтересованных лиц, применительно к рассматриваемой ситуации, только родственниками, думается необоснованно. Перечень таких лиц гораздо шире и заранее определять его нецелесообразно. Наличие или отсутствие заинтересованности лица подлежит выяснению при рассмотрении дела по существу.

Признавая позицию, в соответствии с которой о процессуальной легитимации истца свидетельствует указание им в исковом заявлении на то, что сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, в целом правильной, мы полагаем необходимым уточнить характер заинтересованности лиц, обращающихся в суд за защитой своих чести, достоинства и деловой репутации при отсутствии упоминания о них в оспариваемой информации. Широко распространённым является мнение, что интерес таких лиц состоит в опровержении сведений, распространенных в отношении других лиц, но порочащих их честь и достоинство. Оно

---

³⁸ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С.7.

³⁹ Трубников П.Я. Право на судебную защиту чести и достоинства // Социалист. законность. – 1986. - № 12. - С. 16; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практик. рек. – Ярославль: Ред. газ. «Именем закона», 1995. – С.22; Николаев С. Лица, участвующие в делах по спорам о защите чести и достоинства // Рос. юстиция. - 1985. - № 4. - С. 42.

представляется не совсем точным. При таком определении характера интереса не учитывается существующая вероятность возникновения коллизии интересов данных лиц с интересами лиц, в отношении которых сведения распространены. Данная коллизия может выражаться, например, в заслуживающем внимания нежелании лица, упоминаемого в оспариваемой информации, чтобы вопрос о соответствии действительности распространенных в отношении него сведений стал предметом судебного разбирательства.

Недопустимым является и то, что в этом случае в результате рассмотрения иска о защите чести, достоинства или деловой репутации одного лица, в решении суда будет дан ответ на вопрос о соответствии либо несоответствии действительности сведений, распространенных в отношении другого лица, что прямо противоречит положению ч. 2 ст. 18 ГПК, в соответствии с которой, по общему правилу, гражданские дела возбуждаются только по заявлениям юридически заинтересованных в исходе дела лиц и рассматриваются лишь в отношении заявленных требований.

Во избежание коллизии интересов лица, о котором распространены сведения и лиц, честь и достоинство которых опорочены в результате распространения данной информации, необходимо, на наш взгляд, выработать критерий, позволяющий определить в каких случаях честь и достоинство лиц, не упоминаемых в оспариваемой информации должны защищаться судебным решением, а в каких случаях их заинтересованность носит фактический характер.

Как следует из разъяснения Пленума Верховного Суда в тех случаях, когда распространённые сведения не затрагивают личность обратившегося, они должны прямо или косвенно (иначе говоря, непосредственно или побочным образом) порочить его. Очевидно, что распространение любой негативной информации о каком-либо лице небезразлично его родственникам, другим близким и, как нам представляется, всегда косвенным образом их затрагивает. Однако это не означает, что для наличия юридической заинтересованности у лица, обращающегося в суд за защитой чести и достоинства, достаточно указания им на свои родственные, дружеские и другие близкие отношения с лицом, в отношении которого сведения распространены. Юридическую заинтересованность следует признавать только за теми лицами, в отношении поведения или отдельных поступков которых можно сделать негативный вывод из сообщённых о каком-либо лице порочащих сведений.

К сожалению, в изученной нами судебной практике дел, которыми можно было бы проиллюстрировать нашу позицию, не было. Однако подтвердить её можно публикацией, которая предметом судебного разбирательства, насколько нам известно, не стала. В «Вечернем Минске» за 20 декабря 1999 года была опубликована заметка под названием «Убийство по

болезни?..»), в которой содержалась информация следующего содержания: «У С. был единственный шанс избежать «расстрельной» статьи: через психиатрическую экспертизу. И он его не упустил. Диагноз медиков – «патологическое опьянение». Это когда даже небольшие дозы алкоголя действуют на человека столь сильно, что он становится невменяемым, а значит, за свои действия ответственности не несет. Согласитесь, интересная болезнь. Вот только как ее С. «подцепил» – неизвестно. Но сразу чувствуется: хворь эта для людей не бедных». По нашему мнению, логический анализ процитированного отрывка показывает, что из информации, которая касается С., напрямую вытекает вывод о неправомерных действиях специалистов, проводивших психиатрическую экспертизу, а, следовательно, распространенные сведения непосредственным образом порочат их честь и достоинство.

Порочающий характер сведений для лица, которое в них не упоминается, состоит в данном случае в том, что окружающими может быть сделан определённый вывод о причастности данного лица к тому, о чём сообщается в распространенных сведениях. Иными словами, негативное влияние на честь и достоинство лица, не упоминаемого в оспариваемой информации, оказывает не сама эта информация, а тот вывод, который может быть сделан в отношении него, исходя из данной информации. Если из распространенной информации сделать определённый вывод о поведении лиц, не упоминаемых в информации, нельзя, их интерес можно определить только как фактический.

Исходя из этого, мы полагаем, что интерес лица, не упоминаемого в оспариваемой информации, может и должен быть удовлетворен в результате опровержения того вывода, который следует из распространенной информации.

В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 153 Гражданского кодекса, по требованию заинтересованных лиц, допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

Необходимо отметить, что вопрос о возможности защиты чести и достоинства умершего в юридической литературе долгое время был и продолжает оставаться дискуссионным⁴⁰. Основное противоречие, с которым встречаются, решая проблему защиты чести умершего, состоит в том что, с одной стороны, нравственные нормы требуют охранять доброе имя умерших, с другой - мёртвый не может быть более субъектом прав⁴¹. Таким образом,

---

⁴⁰ Трубников П.Я. Право на судебную защиту чести и достоинства // Социалист. законность. – 1986. - № 12. – С.16; Гукасян Р.Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Изв. вузов. Правоведение.- 1973.- № 1. - С. 63.

⁴¹ Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит.,1971. – С.91.

теоретические разногласия касаются вопроса о том, чей интерес является предметом защиты: интерес умершего лица или интерес лиц, обращающихся в суд.

В юридической литературе последних лет господствующей являлась точка зрения, согласно которой предметом правовой защиты честь и достоинство самого умершего быть не могут⁴². Высказываясь по данному вопросу, Р.Е. Гукасян утверждал, что со смертью лица прекращается его правоспособность и не может быть и речи о защите субъективных прав умершего⁴³. Указанная позиция нашла в свое время закрепление в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда № 14 от 18 декабря 1992 года «О практике применения судами ст. 7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций», в соответствии с которым заинтересованное лицо имело право на судебную защиту чести и достоинства в том случае, когда порочащие сведения распространены в отношении умершего члена его семьи или другого родственника. В данном случае как видно речь шла о защите интересов лица, заявившего иск.

В настоящее время законодатель исходит из того, что предметом правовой охраны могут быть интересы умершего лица. Так, в соответствии с п. 1 ст. 151 ГК в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя. Статья 153 ГК Республики Беларусь допускает защиту чести и достоинства гражданина и после его смерти. В поддержку данной позиции высказались в своё время Е.А. Флейшиц⁴⁴, И.С. Ной⁴⁵, О.С. Иоффе⁴⁶.

Как нам представляется, не имеет принципиального значения, выступает ли в качестве предмета судебной защиты интерес самого умершего гражданина в случае предъявления иска об опровержении распространённых в отношении него сведений. Хотя, в этом вопросе, на наш взгляд следует согласиться с мнением, высказанным, в частности, Н.С. Малеиным, что в рассматриваемом случае охраняется совокупность взаимосвязанных интересов: самого

---

⁴² Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юристъ, 1994. - С. 67,68; Парашенко В.Н., Сокол С.Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке. - Минск: ЗАО Веды, 1998. - С.24; Трубников П.Я. Право на судебную защиту чести и достоинства // Социалист. законность. - 1986. - № 12. - С. 16; Гукасян Р.Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Изв. вузов. Правоведение.- 1973.- № 1. - С. 63; Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. - Екатеринбург, 1993. - С.7.

⁴³ Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве.- Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. - С.20.

⁴⁴ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. - С.77.

⁴⁵ Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1959. - С.17.

⁴⁶ Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства // Сов. государство и право. - 1962. - № 7.- С. 67.

носителя интереса (хотя бы и посмертно), третьих лиц и общества в целом. По его мнению, констатацией интересов общества и третьих лиц не снимается вопрос об интересах лица после его смерти. Н.С. Малеин указывает, что если полностью отрицать эти интересы, то становятся недостаточно ясными цели некоторых других гражданско-правовых институтов, таких как наследование по завещанию, и те виды страхования, которые предусматривают выплату страховой суммы не страхователю, а (после его смерти) другому лицу, в пользу которого заключен договор⁴⁷.

Важное теоретическое и практическое значение имеет определение характера заинтересованности лиц, обращающихся в суд с подобными исками. По данному вопросу в научной литературе издавна ведутся споры. Вместе с тем, необходимо отметить, что большинство авторов исходят из того, что заинтересованностью в опровержении порочащих умершего сведений могут обладать только близкие умершему лица. Разногласия обнаруживаются в основном при определении круга таких лиц.

Некоторые авторы полагают, что заинтересованных лиц по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в случае опровержения сведений, распространенных в отношении умершего лица, целесообразно определять путем их прямого указания. Так, по мнению К. Б. Ярошенко, несмотря на то, что доброе имя родителей, детей и других близких влияет на репутацию человека, а потому, защищая их честь и достоинство, он не только выполняет свой моральный долг, но и защищает свой интерес, круг таких лиц не может быть безграничным. В связи с этим, автор предлагает ограничить круг заинтересованных лиц наследниками по закону⁴⁸. А.Л. Анисимов считает целесообразным предусмотреть в законе право подавать подобные иски для детей умершего, его родителей и пережившего супруга, как это сделано в отношении права на изображение⁴⁹. М. Липецкер полагает, что в случае смерти лица, в отношении которого были распространены порочащие сведения, требование об их опровержении может быть заявлено его близкими⁵⁰. По мнению М. Малеиной, круг заинтересованных лиц – это не более, чем два следующих за умершим поколения, что объясняется реальной возможностью для суда установить истину⁵¹.

---

⁴⁷ Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1981. – С.117.

⁴⁸ Ярошенко К.Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан // Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства. - М., 1989. - Вып. 43. - С. 81.

⁴⁹ Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юристъ, 1994. – С.68.

⁵⁰ Липецкер М. Гражданская ответственность за распространение несоответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций // Защита прав личности по гражданским делам: Материалы науч.-практ. конф. / Моск. обществ. науч.-исслед. ин-т судеб. защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах МГКА и МОКА. – М., 1966. – С. 6.

⁵¹ Малеина М. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. – 1995. - № 10. – С. 105.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в свое время в постановлении № 14 от 18 декабря 1992 года круг лиц, имеющих право требовать опровержения порочащих сведений, распространённых в отношении умерших, определял через понятие «члены семьи или другие родственники». Однако данный критерий нельзя было признать достаточно чётким, так как если определение такого понятия как «родство» в литературе однозначно (это кровная связь лиц, происходящих одно от другого или от общего предка⁵²), то понятие «член семьи» формируется применительно к каждой отрасли права, в которой установление круга членов семьи имеет правовое значение (см. ст. 29 Жилищного кодекса, ст. 35 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении», ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, п. 9 ст. 1 ГПК.).

В постановлении Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года в качестве заинтересованных лиц по искам об опровержении сведений, распространённых в отношении умершего, также называются члены его семьи и родственники. Толкование данного разъяснения приводит к выводу, что в качестве заинтересованных лиц могут выступать лишь близкие умершему граждане, с чем согласиться нельзя. Определяя подобным образом круг заинтересованных лиц, исходят из того, что юридической заинтересованностью могут обладать лишь лица, чьи честь и достоинство в той или иной мере затрагиваются распространением об умерших порочащих сведений.

На наш взгляд, подобная оценка юридической заинтересованности применительно к рассматриваемой ситуации не совсем точна. Обращает на себя внимание тот факт, что при таком подходе без защиты могут остаться интересы тех умерших лиц, у которых не осталось родных и близких. Необходимо отметить, что при изучении судебной практики дела, в которых бы судьи сталкивались с проблемой защиты чести и достоинства подобных лиц нам не встретились, что, однако, не исключает, учитывая судебную практику Российской Федерации, возможность их появления, а отсюда необходимости постановки такого вопроса.

В юридической литературе данная проблема рассматривается в основном с точки зрения необходимости защиты чести и достоинства «авторитетных лиц»⁵³ или «исторических личностей»⁵⁴. При этом, обосновывается необходимость указания в законе на возможность

---

⁵² Советское семейное право: Учеб. пособие для вузов по спец. «Правоведение»; Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Университетское, 1989. – С.55.

⁵³ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С.8.

⁵⁴ Малеина М. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. – 1995. - № 10. – С. 105

такой защиты и введения специального механизма реализации данной возможности⁵⁵. Так, по мнению Ю.В. Молочкова, для возбуждения подобного дела необходима общественная инициатива, выразившаяся в сборе оргкомитетом (инициативной группой) определенного количества подписей граждан. Соблюдение данной процедуры будет, прежде всего, свидетельствовать о реальности авторитета. Законом же должно быть предусмотрено, что наличие определённого количества подписей означает получение оргкомитетом конкретных полномочий на ведение дела в суде от имени этих лиц⁵⁶.

Нам представляется неверным связывать возможность предъявления иска об опровержении порочащих сведений, распространённых в отношении умершего, у которого не осталось близких, в зависимости от того, насколько значимой для общества была личность умершего человека. Ценность человеческой личности, возможность защиты её прав и законных интересов не должна ставиться в зависимость от заслуг данной личности перед обществом и государством. Несмотря на то, что речь в данном случае идёт о защите прижизненных интересов умершего лица, конституционные положения о равенстве всех перед законом и праве без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов должны соблюдаться и в данном случае.

С точки зрения необходимости установления единого подхода при определении круга лиц, имеющих право возбуждать дела о защите чести и достоинства умерших лиц, следует согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что интерес лиц, обращающихся в суд с требованием об опровержении сведений, распространённых в отношении умершего, состоит в удовлетворении личных духовных потребностей (потребности в справедливости) и в его основе лежит общественный интерес⁵⁷. Исходя из этого, на наш взгляд, заинтересованные лица вправе требовать опровержения сведений, распространённых в отношении умершего безотносительно к тому, затрагиваются ли их честь и достоинство подобным распространением⁵⁸ и, как следствие, наличие юридической заинтересованности должно признаваться у любого лица, обратившегося в суд с подобным иском.

---

⁵⁵ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С.8; Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд.-правовая защита личных неимуществ. прав граждан. - М.: Юрид. лит., 1990. – С. 166.

⁵⁶ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С.8.

⁵⁷ Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве.- Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – С. 21.

⁵⁸ По нашему мнению, судебная практика идет именно по такому пути. Так, С. в исковом заявлении указал, что ответчик распространил в отношении его умершего отца сведения о том, что он во время немецко-фашистской оккупации являлся старостой деревни Островы, а также бургомистром г. Могилева. Суд рассмотрел данные исковые требования и признал распространённые сведения не соответствующими действительности. При этом суд даже не выяснял вопрос о том, в какой степени эти сведения затронули честь и достоинство самого С.

Одним из актуальных вопросов судебной практики по исследуемой категории дел является защита чести, достоинства и деловой репутации несовершеннолетних лиц. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 10 постановления № 15 от 23 декабря 1999 года указал, что, если сведения распространены в отношении несовершеннолетнего, иск о защите его чести и достоинства вправе предъявить законные представители (родители, усыновители, попечители)⁵⁹. Следовательно, во всех случаях распространения сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство несовершеннолетних, последние занимают в процессе положение истцов, независимо от возраста.

Однако по этому вопросу в литературе рядом авторов было высказано другое мнение. Так, Н.С. Малеин полагает, что поскольку «честь и достоинство – это качества, присущие человеку, обладающему сознанием (или коллективу)», и «малолетний ребенок не имеет таких качеств, распространение сведений о нем порочит скорее его родителей, которые и выступают в качестве потерпевших истцов»⁶⁰. Однако далее он отмечает, что «честь и достоинство могут оказаться нарушенными в отношении лица, которое хотя и не достигло совершеннолетнего возраста (18 лет), но является достаточно взрослым, обладает необходимой степенью духовного развития. В таких случаях родители могут обращаться в суд за защитой чести и достоинства подростков в качестве представителей их интересов»⁶¹.

По мнению А.В. Белявского и Н.А. Придворова, вопрос о том, с какого момента возникает у лица право на честь и достоинство имеет три основных пути решения:

отказаться от установления точного момента возникновения права;

установить, что право на честь и достоинство возникает с момента рождения;

установить в качестве юридического факта возникновения субъективного права на честь и достоинство достижение 14-летнего возраста. Что же касается случаев распространения сведений, порочащих честь и достоинство несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, то эти сведения могут опровергать родители и опекуны, как порочащие самих родителей и опекунов⁶². Первые два варианта решения, по мнению А.В. Белявского и Н.А. Придворова имеют существенные недостатки. Следует согласиться с утверждением авторов, что первое из предлагаемых решений требует каждый раз при обращении в суд выяснять, возникло ли уже у потерпевшего осознание чести и достоинства или еще нет. Что же касается второго - то указанные авторы полагают, что человек с момента рождения не обладает объектом охраны по

---

⁵⁹ Перечень законных представителей должен быть, по-нашему мнению, дополнен опекунами.

⁶⁰ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. - М.: Наука, 1985. - С. 87.

⁶¹ Там же. С. 87.

⁶² Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1971. -

данной категории дел, поскольку еще по своему развитию не может понимать те или иные этические нормы, к нему нельзя предъявить нравственные требования⁶³. Вместе с тем, они полагают, что возможны исключения из данного правила и в качестве такового можно, по их мнению, рассматривать защиту авторской чести малолетних, поскольку авторы и изобретатели становятся субъектами авторских и изобретательских прав независимо от того, в каком возрасте они создали произведение или изобретение, а среди прав, которые возникают у них, есть право на авторскую честь. И всё же по общему правилу, во избежание неопределённости, разнобоя в судебной практике, авторы предлагают установить в законодательстве таким моментом достижение несовершеннолетним 14-летнего возраста⁶⁴.

Иными словами, как и Н.С. Малеин, А.В. Белявский и Н.А. Придворов полагают, что одним из условий признания наличия у лица интереса в опровержении порочащих сведений, является осознание им данного интереса.

Данная позиция вызывает возражения. При решении указанной проблемы следует, на наш взгляд, обратить внимание на убедительные доводы Е.А. Чефрановой, по мнению которой «общественная ценность человека, уважение к нему определяется не только его социально-значимыми, сознательными поступками. Человек с момента рождения приобретает моральную ценность и общественную значимость уже в силу того, что является человеком»⁶⁵. Исходя из этого, автором делается вывод, что во всех случаях распространения порочащих сведений о несовершеннолетних, они должны занимать положение истцов, т.к. субъективное право на честь и достоинство возникает у гражданина с момента рождения. То обстоятельство, что с момента рождения нет самосознания чести, не является препятствием для признания правоты данной позиции, т.к. в раннем возрасте не осознаются и многие другие права, принадлежность которых несовершеннолетнему не отрицается⁶⁶. Подобного мнения придерживаются и другие авторы⁶⁷. Необходимо отметить, что законодатель Республики Беларусь также разделил эту позицию, предусмотрев в ст. 24 Закона «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г. право каждого ребенка на защиту чести и достоинства.

Права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних по рассматриваемой категории дел, независимо от возраста, защищаются в суде их законными представителями.

---

⁶³ Там же. С.43-44.

⁶⁴ Там же. С. 44.

⁶⁵ Чефранова Е.А. Охрана личных прав несовершеннолетних // Вопросы гражданского права и процесса: Сб. ст. / Акад. Наук СССР, ин-т государства и права; Отв. ред. А.Ю. Кабалкин. – М., 1977.- С. 68.

⁶⁶ Там же. С. 68.

⁶⁷ Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юристъ, 1994. – С.21; Гражданско-правовая охрана интересов личности. - М.: Юрид. лит., 1969. – С.60-61; Подгруша В.В. Если честь, достоинство и деловая репутация нуждаются в защите // Справочная Правовая Система КонсультантПлюс.

Несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет суд обязан привлекать к участию в делах. Однако мы полагаем необходимым, путем внесения соответствующих изменений в ч. 3 ст. 59 ГПК, предоставить несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет возможность самостоятельно защищать свои права по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, исходя из того, что в этом возрасте несовершеннолетние уже способны осознавать их ценность и защищать их самостоятельно. Косвенным образом этот вывод может быть подтвержден следующими соображениями.

В настоящее время можно констатировать, что существенно изменилась «скорость взросления», т.е. физическое, нравственное, эмоциональное, психологическое развитие несовершеннолетних. Это признано на законодательном уровне. В частности, об этом свидетельствует снижение границы наделения несовершеннолетних частичной дееспособностью с 15 до 14 лет; возможность наделения полной дееспособностью с 16 лет (эмансипация), расширение круга дел, по которым могут обращаться в суды сами несовершеннолетние, достигшие 14 лет (ч. 3 ст. 59 ГПК; ст. 139 КоБС).

Во-первых, в настоящее время на законодательном уровне признано, что несовершеннолетние с 16 лет могут достигать того уровня зрелости, при котором они в состоянии принимать решения по всем гражданско-правовым вопросам. Об этом свидетельствует введение института эмансипации в законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации.

Во-вторых, в соответствии с ранее действовавшим законодательством, и ч. 3 ст. 59 действующего ГПК, по некоторым категориям дел несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе лично защищать свои права в суде, например, по делам, возникающим из трудовых правоотношений и из сделок, связанных с распоряжением полученным заработком. При этом низшая возрастная граница наделения несовершеннолетних частичной дееспособностью снижена с 15 до 14 лет.

Рассматривая вопрос об истце по делам о защите деловой репутации организаций констатируем, что исходя из действующего законодательства Пленум Верховного Суда в п. 10 постановления № 15 от 23 декабря 1999 года разъяснил, что в случае распространения сведений, порочащих организацию, иск о защите деловой репутации в соответствии с п. 7 ст. 153 ГК вправе предъявить эта организация при условии, что она является юридическим лицом. Если распространение порочащих сведений затрагивает интересы структурного подразделения, то право на защиту осуществляет орган юридического лица, частью которого является данное подразделение.

Ответчиками по искам об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, являются лица, распространившие данные сведения. Некоторую сложность для судов представляет решение вопроса об определении ответчиков по данной категории дел в случае распространения сведений в средствах массовой информации. Учитывая, что дела по искам к средствам массовой информации составляют значительную часть дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, анализ данной проблемы необходим.

В юридической литературе встречаются различные мнения относительно лиц, которые являются надлежащими ответчиками по искам об опровержении сведений, опубликованных в средствах массовой информации. Высказывая свою позицию в 1962 г. Верховный Суд СССР указал, что автор должен быть привлечен в качестве ответчика, а печатный орган - третьим лицом⁶⁸. Данная позиция вызвала справедливую критику со стороны ряда учёных. Так, Р.Ф. Каллистратова утверждала, что редакцию средства массовой информации нельзя привлекать в процесс в качестве третьего лица, т.к. в этом случае на неё нельзя будет возложить обязанность опубликовать опровержение⁶⁹.

По мнению ряда авторов, в частности, Н.М. Васильченко, О.В. Исаенковой, единственным ответчиком по данной категории дел должна быть редакция. Автора статьи следует привлекать по делу в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на стороне ответчика⁷⁰, а в случае удовлетворения иска, редакция вправе предъявлять претензии к автору за недобросовестную подготовку материалов⁷¹. Данное положение, по мнению О.В. Исаенковой, предотвратит двойную ответственность автора перед истцом и редакцией средства массовой информации⁷². Есть также мнение, что автор в

---

⁶⁸ Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1962 г. – М.: Юрид. лит., 1963. – 141-142.

⁶⁹ Там же. 141-142.

⁷⁰ Необходимо отметить, что в некоторых случаях суды Республики Беларусь именно таким образом решают вопрос о процессуальном положении автора опубликованных сведений.

⁷¹ Васильченко Н.М. Процессуальное положение ответчика в гражданском судопроизводстве. - Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – С.76; Исаенкова О.В. Судебная защита прав средств массовой информации: соотношение публичного и частного права // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.В. Яркова, Г.А. Жилина, И.М. Зайцева. - Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 1998. – С. 160-161.

⁷² Исаенкова О.В. Судебная защита прав средств массовой информации: соотношение публичного и частного права // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.В. Яркова, Г.А. Жилина, И.М. Зайцева. - Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 1998. – С. 160-161.

рассматриваемой ситуации может быть как третьим лицом, так и ответчиком⁷³. Однако, при этом не уточняется в каких случаях автор занимает то или иное процессуальное положение.

Правильной, на наш взгляд, является позиция, закрепленная в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года, в котором Пленум разъяснил, что если иск содержит требование об опровержении сведений, распространённых в печати, других средствах массовой информации (по радио, телевидению и т.п.) в качестве ответчиков привлекаются автор и соответствующий орган, осуществивший выпуск информации. Не меняет данное правило и ситуация, при которой сведения опубликованы без обозначения имени автора. По требованию суда редакция средства массовой информации обязана назвать лицо, представившее информацию (ст. 39 Закона «О средствах массовой информации»). Однако при опубликовании сведений без указания имени автора, например, в редакционной статье, ответчиком является соответствующий орган средства массовой информации.

Статья 52 Закона «О средствах массовой информации» содержит основания освобождения от ответственности журналиста, учредителя (учредителей) средства массовой информации, главного редактора (редактора) средства массовой информации, юридическое лицо, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, распространителя продукции средства массовой информации, информационное агентство, корреспондентский пункт за распространение сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство граждан и организаций. В частности, указанные лица, не несут ответственности в случаях, если сведения:

- получены от государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц, а также содержатся в официальных информационных сообщениях и (или) материалах;
- получены от информационных агентств при условии наличия ссылок на данные информационные агентства;
- получены от политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, а также содержатся в официальных информационных сообщениях и (или) материалах пресс-служб политических партий, других общественных объединений и иных юридических лиц;
- являются дословным воспроизведением официальных выступлений должностных лиц государственных органов;

---

⁷³ Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. – Спб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, С. 216.

- содержатся в информационных сообщениях и (или) материалах телевизионных и радиовещательных средств массовой информации, выходящих в эфир без предварительной записи.

Необходимо отметить, что наличие данных обстоятельств не означает невозможность привлечения органа средства массовой информации в качестве ответчика по делам о защите чести и достоинства. Как следует из разъяснения Пленума Верховного Суда, названные средства массовой информации не освобождаются в этом случае от обязанности по опровержению несоответствующих действительности, порочащих честь и достоинство сведений (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда от № 15 от 23 декабря 1999 года). Данное разъяснение Пленума не противоречит Закону «О средствах массовой информации», т.к. возложение обязанности по опровержению несоответствующих действительности порочащих сведений не является мерой гражданско-правовой ответственности, а является мерой охраны гражданских прав⁷⁴, таким ее видом, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

Если при этом в результате распространения порочащих сведений истцу был причинен материальный или моральный вред, то обязанность по его возмещению не может быть возложена на орган средства массовой информации.

Наряду с органом средства массовой информации к участию в деле в качестве ответчика привлекаются орган или лица, явившееся источником такой информации, на которых возлагается обязанность доказывать, что распространенные сведения соответствуют действительности (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года).

Значительную трудность представляет решение вопроса о надлежащем ответчике в случае распространения сведений несовершеннолетним лицом. Это объясняется, не в последнюю очередь, отсутствием по данному вопросу разъяснений Пленума Верховного Суда.

В литературе по этому вопросу высказаны различные точки зрения. Одни авторы полагают, что ответчики в данном случае определяются по тем же правилам, что и при причинении вреда, т.к. распространение сведений не соответствующих действительности – это частный случай причинения вреда⁷⁵. С подобным утверждением трудно согласиться. Для его

---

⁷⁴ Гражданское право: Учеб.: В 2 ч. / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.- М.: Изд-во ТЕИС, 1996. - Ч. 1. – С.481.

⁷⁵ Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалист. права. – 1939. - № 1. – С. 71,72; Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит.,1971. – С.104-105.

опровержения можно, во-первых, сослаться на то, что законодатель не включил статью, регулируемую гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации в главу 58 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Республики Беларусь. Во-вторых, положения данной главы не могут быть применены в исследуемом случае, поскольку ст.ст. 942, 943 ГК говорят об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, для возложения которой на законных представителей и других указанных в этой статье лиц требуется наличие их вины. Статья же 153 ГК гарантирует защиту чести, достоинства и деловой репутации независимо от наличия в действиях ответчика вины.

М. Липецкер считает, что в случае распространения не соответствующих действительности порочащих сведений несовершеннолетним лицом, обязанность опровергнуть эти сведения вообще не наступает, полагая, что высказанное в юридической литературе мнение, что в таких случаях обязанность опровергнуть порочащие сведения должна быть возложена на родителей или опекунов несовершеннолетнего, не основана на законе⁷⁶.

По мнению Н.М. Васильченко «лица, не достигшие 18 лет, не могут самостоятельно участвовать в деле в качестве ответчиков по делам о защите чести и достоинства»⁷⁷. Обосновывает он это утверждение тем, что гражданская процессуальная дееспособность принадлежит гражданам, достигшим 18 лет.

Безусловно, при определении ответчика, в том числе при распространении порочащих сведений несовершеннолетним лицом, необходимо учитывать, что возможность занять положение ответчика в процессе зависит от наличия правоспособности. В соответствии со ст. 58 ГПК Республики Беларусь, способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности (гражданская процессуальная правоспособность) признаётся в равной мере за всеми гражданами Республики Беларусь. Следовательно, по действующему законодательству, несовершеннолетние могут быть привлечены в процесс в качестве ответчиков. Способность несовершеннолетних самим защищать свои права в суде определяется по правилам ст. 59 ГПК.

В то же время представляется, что при решении вопроса о возможности несовершеннолетнего быть ответчиком по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации исходить только из этих общих положений нельзя. В качестве ответчиков по данной категории дел должны привлекаться лица, способные руководить своими действиями и

---

⁷⁶ Липецкер М. Гражданская ответственность за распространение несоответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций // Защита прав личности по гражданским делам: Материалы науч.-практ. конф. / Моск. обществ. науч.-исслед. ин-т судеб. защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах МГКА и МОКА. – М., 1966. – С.6.

⁷⁷ Васильченко Н.М. Процессуальное положение ответчика в гражданском судопроизводстве. - Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – С.73.

правильно оценивать их возможные последствия. В связи с этим, следует согласиться с мнением авторов, полагающих, что в случае распространения порочащих сведений несовершеннолетними в возрасте до 14 лет в качестве ответчиков должны привлекаться их законные представители. Таким же образом должен решаться вопрос об определении надлежащих ответчиков в случае распространения порочащих сведений лицами, признанными в судебном порядке недееспособными. Однако на наш взгляд, для этого требуется специальное указание в законе, в частности, в статье 153 ГК, которую следовало бы дополнить частью следующего содержания:

«Если не соответствующие действительности и порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведения распространены лицами, не достигшими 14 лет, а также лицами, признанными недееспособными, обязанность по опровержению таких сведений должна быть возложена на их родителей (усыновителей, опекунов)».

К числу несомненных достоинств Гражданского кодекса 1999 г. следует отнести предоставление физическим и юридическим лицам возможности требовать в порядке особого производства признания распространённых порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений не соответствующими действительности, если установить лицо, распространившее сведения невозможно (п. 6 ст. 153 ГК).

Лицами, имеющими непосредственный интерес по делам особого производства, являются заявители, а также заинтересованные граждане и юридические лица (ст. 54 ГПК). В особом производстве законодатель не называет сторонами непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц. В процессуальной литературе, однако, обращается внимание на противоположность их интересов, которая приближает их процессуальное положение к положению сторон и позволяет вопрос об определении юридически заинтересованных лиц по делам о признании сведений порочащих честь и достоинство гражданина, не соответствующими действительности, рассматривать в данном параграфе.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что законодатель в ГК и в ГПК по-разному определяет круг лиц, имеющих право возбуждать данную категорию дел в особом производстве. Так, в п. 6 ст. 153 ГК в качестве таковых называются лица, в отношении которых сведения распространены. В ст. 364 ГПК указывается на лиц, чьи честь, достоинство и деловая репутация опорочены, независимо от того, упоминаются ли они в оспариваемой информации. Кроме того, если в исковом производстве заинтересованные лица могут опровергнуть порочащие сведения, распространённые в отношении умершего, то в особом производстве возможность признать порочащие сведения, распространённые в отношении умершего, не соответствующими действительности не предусмотрена, хотя видимых причин для

установления подобных различий нет. Если закон признаёт возможность защиты чести и достоинства гражданина и после его смерти (п. 1 ст. 151, п. 1 ст. 153 ГК), то, на наш взгляд, такая защита должна быть предоставлена независимо от того, возможно ли установить лицо, распространившее не соответствующие действительности порочащие сведения. От того, возможно или невозможно заявить требование к лицу, распространившему порочащие сведения зависит только вид судопроизводства, в котором будет осуществляться такая защита.

2.2. Стороны по делам данной категории, рассматриваемым в хозяйственных судах

Для хозяйственного судопроизводства характерно наличие большинства тех проблем, которые возникают при определении надлежащих истцов и ответчиков в общих судах. Вместе с тем, применительно к хозяйственному процессу разрешение данных проблем имеет свои особенности, требующие специального анализа.

Статья 58 ХПК устанавливает, что истцами в хозяйственном судопроизводстве являются юридические лица, индивидуальные предпринимателя, а в случаях, предусмотренных законодательными актами, - организации, не являющиеся юридическими лицами, и граждане, которые предъявили иск в целях защиты своих законных интересов или в целях защиты интересов которых иск предъявлен.

Ответчиками являются юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане, к которым предъявлен иск.

На примере дел, рассматриваемых общими судами, мы уже затрагивали проблему наличия юридической заинтересованности у лиц (граждан, в т.ч. индивидуальных предпринимателей), обращающихся в суд в случаях, когда порочащие сведения распространены не о них, а о других лицах. Как показывает судебная практика, указанная проблема характерна и для хозяйственного судопроизводства. Однако в силу особого субъектного состава рассматриваемых споров, наиболее актуальной для хозяйственного процесса данная проблема является в том случае, когда речь идет об опровержении сведений, распространённых в отношении юридического лица.

Проблема определения надлежащих истцов в такой ситуации связана, прежде всего, с тем, что юридическое лицо является сложным социальным образованием, это субъект, который состоит из организованной определённым образом группы людей, коллектива. Следовательно, деловая репутация юридического лица складывается, прежде всего, из представлений о деятельности тех лиц, которые составляют юридическое лицо, в первую очередь руководителей, других работников, а также участников и учредителей. На формирование деловой репутации юридического лица непосредственное влияние оказывает также его

производственная и иная деятельность. Таким образом, деловая репутация юридического лица формируется из представлений о самых различных сторонах его жизнедеятельности, складывается под воздействием многих факторов.

Это обстоятельство ставит проблему соотношения деловой репутации гражданина (группы граждан), входящих в коллектив юридического лица, с репутацией самого юридического лица.

В практике судов встречаются дела, в которых руководители юридических лиц предъявляют, наряду с требованием о защите деловой репутации возглавляемых ими юридических лиц, также требования о защите своих чести и достоинства. Они полагают, что распространённая негативная информация о юридическом лице, которым они руководят, порочит и их честь и достоинство, т.к. свидетельствует о неспособности обеспечивать надлежащее руководство. Интересной в этой связи является практика арбитражных судов Российской Федерации. Губернатор одной из областей предъявил иск к газете «Известия» о защите своей деловой репутации и компенсации морального вреда со ссылкой на то, что опубликованная в данной газете статья о злоупотреблениях работников областной администрации при освобождении граждан от воинского призыва свидетельствует о его низких профессиональных качествах в подборе кадров и руководстве ими. Тверской межмуниципальный суд Центрального района г. Москвы в иске отказал на том основании, что в публикации сам истец не упомянут⁷⁸. М.Л. Шелютто, анализирующая данное дело, полагает, что данный подход соответствует личному характеру права на защиту деловой репутации⁷⁹.

При анализе судебной практики Республики Беларусь обнаруживаются разные подходы к решению рассматриваемой проблемы. В качестве примера, можно привести следующие дела из практики хозяйственного суда Минской области.

Главное управление внутренних дел (ГУВД) Мингоисполкома предъявило иск к редакции одной из республиканских газет, опубликовавшей статью «Кто накажет бандитов в милицейской форме?» без указания автора. В ней шла речь о незаконных действиях милиции при пресечении несанкционированных массовых мероприятий. В исковом заявлении истец просил защитить честь и достоинство минской милиции. Суд удовлетворил требования истца, указав в решении, что опубликованные сведения порочат деловую репутацию минской милиции, а в её лице и ГУВД Мингорисполкома.

В качестве примера можно привести также дело по иску ЗАО «Прессбол» к редакции газеты «Спортивная панорама» и Национальному олимпийскому комитету о защите деловой

---

⁷⁸ Хазин М. Кредо губернатора – судиться // Известия. – 1997. - 27 апр. - С. 2.

⁷⁹ Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журн. рос. права. – 1997. - № 12. – С. 36.

репутации. В исковом заявлении ЗАО «Прессбол» указало, что в газете была опубликована информация пресс-службы НОК Республики Беларусь, содержащая несоответствующие действительности сведения, касающиеся газеты «Прессбол. Такова спортивная жизнь», учредителем которой является ЗАО «Прессбол». Определением суда производство по делу было прекращено. При этом суд указал, что основным признаком такого блага как деловая репутация является его неразрывная связь с носителем. Оно не может отчуждаться или передаваться ни по каким основаниям. Юридическому лицу предоставлено право требовать по суду опровержения порочащих его (подчеркнуто в определении) деловую репутацию сведений. Поскольку в публикации пресс-службы НОКа не содержится сведений, могущих нанести ущерб деловой репутации ЗАО «Прессбол», т.к. речь в публикации идет о газете, учредителем которой ЗАО является, у него отсутствует право на обращение в суд за защитой нарушенного указанного нематериального права. Впоследствии вышеуказанное определение было отменено и дело направлено на новое рассмотрение, поскольку ХПК не содержит такого основания прекращения производства по делу, как отсутствие нарушенного интереса истца. В результате нового рассмотрения было вынесено решение, в котором ЗАО было отказано в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям: 1. статья не содержит информации, касающейся ЗАО, 2. в соответствии со ст. 20 Закона «О печати и других средствах массовой информации» редакция средства массовой информации является юридическим лицом и имеет возможность самостоятельно обратиться в суд, 3. право учредителя предъявлять иск в интересах созданного им юридического лица действующим законодательством не предусмотрено. Таким образом, суд при рассмотрении дела пришёл к выводу, что требовать опровержения порочащих сведений вправе лишь лица, в отношении которых сведения распространены.

Этот вывод соответствует разъяснениям Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, которые изложены в постановлении №16 от 26 апреля 2005 года. В соответствии с абз. 2 п. 3 указанного постановления, в хозяйственном суде подлежит защите деловая репутация юридического лица или индивидуального предпринимателя, в отношении которых распространены порочащие их, не соответствующие действительности сведения. Одновременно здесь же Пленум Высшего Хозяйственного Суда указал, что иски в хозяйственный суд могут предъявляться юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, которые считают, что их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности нарушены распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую

репутацию⁸⁰. Пленум Высшего Хозяйственного Суда делает, на наш взгляд, ошибочные выводы относительно надлежащих истцов по делам о защите деловой репутации, признавая таковыми лишь лиц, которые упоминаются в оспариваемой информации. В данном вопросе обнаруживаются существенные различия в толковании ст. 153 ГК Верховным Судом и Высшим Хозяйственным Судом, чего, на наш взгляд, быть не должно.

Для решения вопроса о возможности удовлетворения исковых требований о защите деловой репутации в том случае, когда истец указывает, что сведения распространены не в отношении него, но считает, что они порочат его деловую репутацию, можно предложить следующее. Деловая репутация юридического лица самым тесным образом связана с честью, достоинством лиц, работающих в данной организации, с репутацией учредителей и т.д. Безусловно, их не следует отождествлять. Не вызывает сомнения, что честь юридического лица не сводится лишь к чести лиц, стоящих за данным юридическим лицом, равно как и репутация указанных лиц (каждого в отдельности и всех вместе взятых) не тождественны репутации юридического лица: пересекаясь, ни одно из них не поглощает другое. Однако именно их тесная связь и взаимозависимость дает основание утверждать, что и применительно к анализируемой нами проблеме право на защиту деловой репутации должно иметь любое лицо, которое полагает, что она поставлена под угрозу распространением порочащих сведений, вне зависимости от упоминания данного лица в оспариваемой информации. При этом, определение характера заинтересованности указанных лиц в хозяйственном судопроизводстве должно осуществляться по тем же правилам, что и в общих судах.

Как уже отмечалось, деловая репутация относится к числу нематериальных благ (ст.151 ГК), которые традиционно характеризуются отсутствием материального (имущественного) содержания и неразрывной связью с личностью носителя, предопределяющей неотчуждаемость и непередаваемость этого блага. Вместе с тем, в соответствии со ст. 912 ГК вкладом индивидуального предпринимателя и коммерческой организации по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) может быть наряду с деньгами, иным имуществом, профессиональными и иными знаниями, навыками, умениями также и деловая репутация и деловые связи. Деловая репутация фактически приравнена законодателем к материальному, оборотоспособному благу. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос о том, кто имеет право защищать деловую репутацию, переданную другому лицу: лицо, передавшее свою деловую репутацию по договору, либо лицо, которому она передана.

Следует отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации также предусматривает возможность передачи деловой репутации по договорам простого

---

⁸⁰ Такие же положения содержались в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 20 июля 1999 № 7.

товарищества (ст. 1041), а, кроме того, по договору коммерческой концессии (ст. 1027)⁸¹. Ряд авторов выступили с критикой данного положения Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, М.Л. Шелютто полагает, что использовать (передать) репутацию по гражданскому договору вряд ли возможно в правовом смысле, поскольку неясным остается, как осуществить реальную передачу репутации, под которой понимается общественная оценка (т.е. оценка другими людьми), а также совершение каких юридически значимых действий по её использованию предполагает норма ГК⁸². Такого же мнения придерживаются Л.А. Трахтенгерц⁸³, В. Евдокимова⁸⁴.

С данной точкой зрения, на наш взгляд, следует согласиться. Право на честь, достоинство и деловую репутацию относится к той группе охранительных субъективных гражданских прав, которые заключают в себе возможность управомоченного лица требовать известных действий от обязанного лица, и не предоставляют возможности совершения односторонних действий самими управомоченными лицами⁸⁵.

Вместе с тем, необходимо учитывать тот факт, что хотя «пользователь по договору франчайзинга выступает в имущественном обороте (юридически) вполне самостоятельно, но в фактических отношениях со своими контрагентами-потребителями как бы надевает маску правообладателя, оформляя результаты своей деятельности его атрибутикой»⁸⁶. Это означает ни что иное, как фактическое использование одним лицом деловой репутации другого лица при осуществлении своей предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что Гражданский кодекс Республики Беларусь не предусматривает возможности передачи деловой репутации по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинг). Однако, на наш взгляд, это не имеет существенного значения. Мы полагаем, что независимо от того, будет ли указана деловая репутация в нормах Гражданского кодекса в качестве одного из объектов, которые могут быть переданы по договору или нет, такая передача в той или иной степени фактически будет происходить всегда, когда передаче будут подлежать объекты исключительных прав (на фирменное наименование, товарный знак и знак обслуживания и т.д.), равно как фактическим

---

⁸¹ Гражданский Кодекс Российской Федерации: Офиц. текст с науч. коммент./ Коммент. Ю.Х. Калмыкова. – М.: ИНФРА, 1996. – 560 с.

⁸² Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц// Журн. рос. права. – 1997. - № 12. – С. 39.

⁸³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Г.Е. Авилов, Б.П. Варнавский, А.И. Загнянский и др.; Отв. ред. О.Н. Садилов. - М.: Юрид. фирма «Контракт»: Изд. группа «Инфра- М» – Норма», 1996. – С. 616.

⁸⁴ Евдокимова В. Франшиза и договор коммерческой концессии в гражданском кодексе РФ //Хоз-во и право. – 1997. - № 12. – С. 116.

⁸⁵ Крашенинников Е.А. К теории права на иск / Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 1995. – С.5.

⁸⁶ Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.А. Суханов, К.Б. Ярошенко. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. – С.246.

вкладом товарища в простое товарищество будет его деловая репутация, независимо от его желания.

Специфика такого блага, как деловая репутация состоит в том, что, будучи юридически неотчуждаемой, деловая репутация одного субъекта права способна распространять свое действие и влиять на репутацию другого субъекта права, с которым оно состоит в экономических отношениях, в результате чего распространённая порочащая информация об одном из них способна в некоторых случаях опорочить их обоих. Исходя из этого, мы полагаем, что проблема определения надлежащего истца применительно к исследуемой ситуации должна быть разрешена на основании общего правила, в соответствии с которым надлежащим истцом является всякое лицо, которое считает свою деловую репутацию опороченной распространением не соответствующих действительности сведений.

Право на защиту деловой репутации юридического лица, будучи элементом правоспособности, возникает с момента создания юридического лица, т.е. с момента регистрации (п.3 ст.45 ГК, п.2 ст.47 ГК) и прекращается в момент завершения его ликвидации (п.3 ст.45, п.8 ст.59 ГК). Возможность опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений, распространённых в отношении ликвидированного юридического лица, законодательством не предусмотрена. Однако, поскольку такие сведения могут порочить учредителей, бывших руководителей, участников, работников данного юридического лица, такие сведения, по-нашему мнению, могут быть опровергнуты по иску указанных лиц.

Индивидуальными предпринимателями иски заявляемые в хозяйственный суд могут предъявляться в том случае, когда распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию, нарушены их права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности. Прекращение деятельности индивидуального предпринимателя приводит к прекращению всех прав и обязанностей, связанных с его предпринимательской деятельностью. Это не означает, однако, что индивидуальный предприниматель с прекращением предпринимательской деятельности утрачивает право на защиту своей деловой репутации. Но реализовать данное право он может в порядке гражданского судопроизводства.

В некоторых случаях истцами по делам о защите деловой репутации могут стать некоммерческие организации. Поскольку хозяйственному суду подведомственны дела по хозяйственным (экономическим) спорам, в его компетенцию входит рассмотрение споров с участием некоммерческих организаций только в случае, если спор возник в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности. Закон предоставляет право некоммерческим организациям осуществлять предпринимательскую деятельность постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы и соответствует

этим целям (абз.2 п.3 ст.46 ГК). Если спор возник не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, он подлежит рассмотрению в общем суде.

Применительно к статьям 58 и 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, ответчиками по искам об опровержении сведений, порочащих деловую репутацию, являются юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане, распространившие такие сведения. При распространении сведений несколькими лицами, возникает проблема процессуального соучастия на стороне ответчика. Пленум Высшего Хозяйственного Суда разъяснил, что при воспроизведении сведений, затрагивающих деловую репутацию истца несколькими средствами массовой информации или несколькими лицами, не являющимися средствами массовой информации, все они могут быть привлечены к участию в деле в качестве ответчиков. По своему характеру, данное соучастие является факультативным и может возникнуть как по инициативе сторон, так и по инициативе суда.

Факультативным, в соответствии с теми же разъяснениями, является также соучастие в случаях, когда оспариваемые сведения были воспроизведены средством массовой информации из официальных сообщений или получены от информационных агентств (п.5 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года). Суд в таких случаях вправе привлекать к участию в деле в качестве ответчика, наряду с редакцией средства массовой информации, орган, явившийся источником такой информации.

Необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 15 от 23 декабря 1999 года признает такое соучастие необходимым. Ранее действовавшее постановление Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 7 от 20 июля 1999 года также содержало разъяснение об обязательности привлечения в качестве соответчика орган, явившийся источником информации. Изменение позиции Пленума Высшего Хозяйственного Суда в этом вопросе вряд ли можно оценить положительно. В случае распространения средством массовой информации сведений, полученных из официальных источников или от информационных агентств, средства массовой информации освобождаются от обязанности доказывать факт соответствия сведений действительности и эта обязанности возлагается на орган, явившийся источником информации. В этой связи, на наш взгляд, очевидна невозможность рассмотрения дела без участия органа – источника информации, что свидетельствует о наличии обязательного (необходимого) соучастия.

Следует отметить, что в юридической литературе было высказано и иное мнение относительно процессуального положения органов, являющихся источником официальных сообщений, а также информационных агентств. Так, Л. Грось полагает, что органы, от которых были получены такие сведения средством массовой информации, должны занять в процессе положение третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, поскольку решение по

делу явится фактом, так или иначе способным оказать воздействие на их взаимоотношения со сторонами в будущем⁸⁷. Если суд вынесет решение об удовлетворении иска, установленные таким решением факты будут иметь преюдициальное значение для истца и информационных агентств в будущем, при предъявлении к ним иска о возмещении причиненных убытков. С другой стороны, исполнение решения суда об опубликовании опровержения повлечет затрату средств, следовательно, ответчик (средство массовой информации) станет обладателем права на возмещение затрат в порядке регресса.

Похожая по существу позиция, но применительно к ситуации, когда сведения распространены работником юридического лица, изложена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»⁸⁸. В соответствии с п. 5 указанного постановления «В случае, когда сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации является юридическое лицо, работником которого распространены такие сведения. Учитывая, что рассмотрение данного дела может повлиять на права и обязанности работника, он может вступить в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, либо может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле (статья 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации)».

Для ответа на вопрос о том, какое положение в процессе должны занимать органы, являющиеся источником официальных сообщений, информационные агентства, а также работники юридических лиц в приведенной выше ситуации по делам о защите деловой репутации, необходимо учитывать отличия в правовом положении соучастников и третьих лиц. В отличие от соучастников, третьи лица всегда имеют материальные правоотношения только с тем лицом, на стороне которого они выступают, и не связаны никакими материальными правоотношениями с противоположной стороной. В силу статьи 153 ГК, обязанность опровергнуть не соответствующие действительности порочащие сведения может быть возложена судебным решением на любого, кто такие сведения распространил. Следовательно, любое лицо, независимо от того, является ли оно автором распространенных сведений, или

---

⁸⁷ Грось Л. Способ защиты деловой репутации // Хоз-во и право. - 1996.- № 12. - С. 124-125.

⁸⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005.- № 4. (Далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.)

передает информацию с чужих слов, становится субъектом спорного материального правоотношения с того момента, когда оно распространит порочащие сведения. Исходя из этого, на наш взгляд, следует признать правильной позицию, согласно которой по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации участие третьих лиц невозможно⁸⁹.

---

⁸⁹ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С.10.

ГЛАВА 3

ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ.

3.1. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию

Вопросы доказывания по данной категории дел одинаково решаются в гражданском и хозяйственном процессе. Большое практическое значение для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации имеет правильное определение совокупности юридических фактов, от установления которых зависит разрешение дела по существу. Факты, являющиеся объектом познания суда, различны по своему значению и могут быть классифицированы следующим образом:

- юридические факты материально-правового характера;
- доказательственные факты;
- факты, имеющие исключительно процессуальное значение;
- факты, установление которых суду необходимо для выполнения воспитательных и предупредительных задач правосудия⁹⁰.

Теоретические разногласия по вопросу о предмете доказывания касаются круга тех фактов, которые следует в него включать. Некоторые авторы полагают, что в предмет доказывания входят только юридические факты материально-правового характера⁹¹. Для обозначения всей совокупности фактов, подлежащих доказыванию, предлагается использовать другой термин — пределы доказывания.

Близким к указанному выше является определение предмета доказывания как совокупности обстоятельств, на которые истец ссылается в обоснование своих требований, а ответчик возражений⁹². Однако данная точка зрения в литературе признана ошибочной. Суд при определении предмета доказывания не связан юридическими фактами, указанными сторонами. Стороны по каким-либо причинам могут неправильно определить основания своих требований или возражений. В таком случае суд обязан включить в предмет доказывания и такие факты, на которые стороны не ссылаются.

Сторонники иной точки зрения утверждают, что в предмет доказывания по гражданскому делу входят не только юридические факты материально-правового характера,

---

⁹⁰ Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. – С. 9-10.

⁹¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. – С. 12; Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1969. – С. 3-9.

⁹² Парашенко В.Н. Гражданский процесс/ Учеб. пособие. - Минск: ЗАО Веды, 1998.- С. 82

которыми обосновываются требования и возражения сторон, но и юридические факты, имеющие процессуально-правовое значение⁹³.

По мнению Д.М. Чечота предмет доказывания по гражданскому делу, прежде всего, определяется содержанием исковых требований и возражений сторон, однако этим не исчерпывается, поскольку закон указывает на необходимость установления и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Поэтому в предмет доказывания должны быть включены также факты, имеющие значение для правильного разрешения дела, на которые стороны по каким-либо причинам не ссылаются; факты процессуально-правового значения, а также доказательственные факты⁹⁴.

И, наконец, в литературе была высказана мысль о том, что предметом процессуального доказывания являются все происшедшие и наличные юридические и доказательственные факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела⁹⁵. Указанная точка зрения нашла в настоящее время закрепление в ст. 177 ГПК, в соответствии с которой предметом доказывания являются все факты, имеющие значение для правильного разрешения дела. При анализе предмета доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации мы будем исходить из данной позиции, т.к. она представляется правильной.

Факты, имеющие материально-правовое значение, которые должны устанавливаться по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации указаны в гипотезе ст. 153 ГК. Такими фактами являются:

- несоответствие сведений действительности;
- порочащий характер сведений;
- распространение сведений.

При решении вопроса о наличии или отсутствии первого из перечисленных юридических фактов суды нередко испытывают затруднения. Эти затруднения обусловлены существующей в теории и в судебной практике проблемой толкования содержащегося в ст. 153 ГК понятия «сведения».

В юридической литературе высказаны по этому вопросу различные точки зрения, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что возможно понимание этого термина в контексте

---

⁹³ Гражданский процесс БССР: Учеб. пособие для юрид. фак. и вузов: В 3 ч. /Под ред. Н.Г. Юркевича, В.Г. Тихини. – Минск: Выш. шк.- 1980.-Ч.2. – С. 8.

⁹⁴ Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. - М.: ПРОСПЕКТ, 1997. – С. 193

⁹⁵ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1976. – С. 224

ст.153 ГК в широком и узком смыслах. Сторонники широкого понимания включают в понятие “сведения”:

- сведения о фактах;
- оценку факта или оценку личности (так называемые оценочные суждения).

Исходя из этого, делается вывод о том, что понятие “соответствие действительности” нужно рассматривать также в двух аспектах:

- * как правильность сообщения о фактах;
- как правильность оценки фактов⁹⁶.

Сторонники узкого понимания исходят из того, что понятие “сведения” включают в себя только информацию о фактах и, следовательно, оценочные суждения в судебном порядке опровергаться не могут⁹⁷. “Моральная оценка имевших место в действительности фактов - дело свободного внутреннего убеждения каждого, и возникшие по этому поводу разногласия между совершившим соответствующие поступки и тем, кто их оценивает, предметом судебного разбирательства быть не могут”⁹⁸.

Можно выделить и третью точку зрения по этому вопросу, сторонники которой утверждают, что оценочные суждения бывают двух видов:

- 1.содержащие в себе сведения фактического характера;
2. не содержащие в себе сведения фактического характера⁹⁹.

Первый вид оценочных суждений может быть опровергнут в судебном порядке, второй - нет. По мнению Е.А. Флейшиц «не следует относить к числу высказываний, умаляющих честь гражданина, такие высказывания, которые являются простыми оценками личности, деятельности, духовной продукции другого лица, высказывания, которые служат выражением вкусов и субъективных воззрений того, от кого эти высказывания исходят... И предметом разбирательства гражданского суда в качестве вопроса об умалении чести такая оценка чужой личности не может стать уже потому, что она не допускает объективной проверки, не допускает проверки с точки зрения установления ее соответствия или несоответствия действительности»,

---

⁹⁶ Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юристъ, 1994. - С. 30-31; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практ. рек. - Ярославль: Ред. газ. «Именем закона»,1995. -С. 18

⁹⁷ Вышкевич В. Защита чести, достоинства и деловой репутации // Судовы весн.- 1996. - № 2. - С. 3; Савичев Г. Судебная защита чести и достоинства граждан// Сов. юстиция. - 1974. - № 2. - С. 8.

⁹⁸ Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства // Сов. государство и право. - 1962. - № 7.- С. 64.

⁹⁹ Пронина М.Г. Защита чести и достоинства гражданина: (гражд.-правовые средства). - Минск: Беларусь, 1976. - С. 45.

но вместе с тем «есть суждения, которые, будучи по форме оценкой личности, представляют собой по существу утверждения фактического характера... Такого рода оценки представляют собой сообщение фактов, утверждение соответствующих поступков»¹⁰⁰. Таково, например, высказывание «нечестный человек». А.В. Белявский и Н.А. Придворов выдвигают следующие возражения на это счет: «деление оценки на содержащие в себе сведения фактического характера и не содержащие таковые весьма условно и, в конечном итоге, вряд ли правильно», так как «любая моральная характеристика человека подразумевает оценку каких-либо действий, поступков, поведения лица»¹⁰¹.

Анализ судебной практики Республики Беларусь показывает, что в решении этого вопроса она довольно противоречива. В подтверждение могут быть приведены следующие дела. М. предъявила иск к Ж. о защите чести и достоинства, в котором указала, что Ж. подала заявление об увольнении, в качестве причины сославшись на то, что М. создала в отделе обстановку «крайней недоброжелательности и непорядочности». Суд в своем решении признал данные сведения не соответствующими действительности, указав, что «на протяжении нескольких лет в коллективе сложилась сложная обстановка, но ее нельзя назвать обстановкой крайней недоброжелательности и непорядочности».

В другом случае, Р. в 2002 г. обратился в суд с иском о защите чести и достоинства, ссылаясь на то, что ответчик в своей статье, опубликованной в газете и касающейся конфликта в одной из музыкальных школ, написал, что Р. «...вдохновитель побед одной из враждующих сторон». Суд не принял во внимание доводы истца о том, что «он не является организатором и вдохновителем побед. Если у него и были победы, то достойные. Автор статьи подразумевает, что он руководит какими-то темными личностями, что является ложью». В своем решении суд согласился с мнением представителя ответчика, что опровергаемые фрагменты статьи «представляют собой ни что иное, как мнение автора, которое не может быть подвергнуто проверке с точки зрения соответствия или несоответствия действительности. Оценка не может быть истинной или ложной, равно как и с объективной точки зрения правильной или неправильной, с оценкой можно лишь согласиться или не согласиться. Из этого следует, что оценочное мнение не может быть опровергнуто в порядке ст. 153 Гражданского кодекса».

Нетрудно заметить, что в обоих случаях речь идет об оценочных суждениях. Но в первом случае суд исследовал правильность высказанных ответчицей суждений, признав их не

---

¹⁰⁰ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 148, 149.

¹⁰¹ Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 56.

соответствующими действительности, а во втором - подтвердил право истца на подобное высказывание, не проверяя и не оценивая их.

К сожалению, данная проблема не нашла четкого решения в постановлении Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года. Некоторые выводы могут быть сделаны из положения п. 8 постановления, в котором, в частности, Пленум указал, что «не могут признаваться **обоснованными** требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, коллективе, быту». Критика же есть ни что иное, как отрицательное суждение о чем-либо, указание недостатков¹⁰². Отсюда можно утверждать, что позиция Верховного Суда заключается в том, что оценочные суждения можно проверять на соответствие или несоответствие действительности и, как следствие, опровергать в судебном порядке.

Более четко свою позицию по этому вопросу высказал Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3, в частности, указано, что «В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Судам следует иметь в виду, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему п. 3 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской

---

¹⁰² Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. - М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 656.

Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку. Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации)»

При решении вопроса о том, возможна ли проверка оценочных суждений с точки зрения их соответствия или несоответствия действительности необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее. Проблема толкования используемого в ст. 153 ГК понятия «сведения» тесным образом связана с пределами осуществления гражданами таких конституционных прав, как право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение, гарантированных ст. 33 Конституции.

Следует иметь в виду, что право на свободу мнений и убеждений не является абсолютным и ничем не ограниченным. О возможности установления пределов осуществления права на свободу мнений и убеждений идет речь, в частности, в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятой 26 мая 1995 года, которая провозглашая право каждого на свободное выражение своего мнения, указывает при этом, что поскольку пользование этими свободами налагает обязанности и ответственность, оно может быть сопряжено с формальностями, условиями и ограничениями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка или защиты прав и свобод других лиц (ст. 11)¹⁰³.

Принцип ограничения в интересах государства и общества свободы мнений и убеждений характерен для большинства государств и проводится, в частности, в таких региональных международно-правовых документах, как Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанной государствами-членами Совета Европы в Риме 4 ноября 1950 года¹⁰⁴; Американская Конвенция о правах человека, принятая Организацией Американских Государств 22 июля 1978 года¹⁰⁵.

---

¹⁰³ Международно-правовые документы в области средств массовой информации / Сост. Н.Н. Довнар. – Минск: Медисон, 1999.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

Для разрешения вопроса о соотношении права на свободное выражение мнений и убеждений с правом на честь, достоинство и деловую репутацию, необходимо, на наш взгляд, учитывать ряд принципов и концептуальных установок для определения конституционности вводимых и применяемых органами государственной власти ограничений прав и свобод, которые сложились в практике конституционных судов, а также региональных и международных органов по защите прав человека. К их числу относят:

- отсылка к закону (нормативное регулирование прав и свобод, их ограничения могут быть осуществлены только законом);
- соразмерность или запрет чрезмерных ограничений;
- сохранение сущностного содержания прав и свобод¹⁰⁶.

Предоставленное ст. 153 ГК право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации, которые могут быть опорочены распространением не только не соответствующих действительности сведений, но и высказанными суждениями, содержащими оценку поведения, является, на наш взгляд, установленным законом ограничением права на свободу мнений и убеждений и их свободное выражение. Таким образом, первым принцип установления возможных ограничений законом в нашем случае соблюден.

Соответствие положений ст. 153 ГК двум остальным вышеуказанным условиям можно выявить, определившись с понятием сведения, используемым в ст. 153 ГК, и установив в каком соотношении оно находится с понятиями «мнение» и «убеждение».

Под сведениями понимается известие, сообщение о каком-либо факте¹⁰⁷. Вместе с тем, следует, на наш взгляд, согласиться с мнением авторов, полагающих, что любое оценочное суждение, в конечном итоге, основывается на одном факте или их совокупности. Следовательно, любое оценочное суждение содержит в себе как минимум два вида информации:

- о произошедшем (не произошедшем) событии, действии и т.д.;
- об отношении лица, высказывающего суждение, к данным фактам.

Исходя из этого, мы полагаем, что под сведениями в контексте ст. 153 ГК следует понимать не только сведения о фактах, но и оценочные суждения.

Под мнением понимается суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь, взгляд на что-нибудь¹⁰⁸. Таким образом, понятие «мнение» и

---

¹⁰⁶ Общая теория прав человека / В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин и др.; Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. НОРМА, 1996. – С. 158.

¹⁰⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов /Под ред. Н.Ю. Шведовой; Акад. наук. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 375.

¹⁰⁸ Там же. С. 375.

употребляемое в юридической литературе при анализе ст. 153 ГК понятие «оценочное суждение», по нашему мнению, являются синонимами.

Оценка предполагает выражение отношения к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение, согласие или критика). Подобная оценка не может быть подвергнута проверке с точки зрения соответствия или несоответствия действительности. Следует, на наш взгляд, согласиться с А. Эрделевским, который полагает, что под несоответствием мнения действительности следовало бы понимать несовпадение выраженного мнения с мыслями субъекта по данному вопросу, однако нормы гражданского права не связывают с подобным несовпадением наступление каких-либо правовых последствий¹⁰⁹.

Поэтому мы не можем согласиться с тем, что одним из аспектов понятия «соответствие сведений действительности» в контексте ст. 153 ГК является правильность моральной оценки фактов. Как уже отмечалось, оценка не может быть истинной или ложной, равно как и с объективной точки зрения правильной или неправильной, с оценкой можно лишь согласиться или не согласиться.

Однако, учитывая тот факт, что любое оценочное суждение имеет свой объект, т.е. основано на одном или нескольких фактах, содержит и доводит до сведения иных лиц информацию об определенных событиях, в предмет доказывания должен входить факт несоответствия действительности указанной информации.

При этом перед судом стоит достаточно сложная задача: определить круг фактов, на которых основано оценочное суждение. Как нам представляется в данном случае важно различать факты, на которые ответчик указывает, как на основание высказанного им суждения, и факты, на которые указывает само оценочное суждение. Они могут не совпадать. Юридически значимыми являются именно те факты, на которые указывает само оценочное суждение. Иными словами, суд должен определить как может быть воспринято данное оценочное суждение с позиции рядового члена общества, о наличии или отсутствии какого факта может быть сделан вывод из него.

В этой связи необходимо отметить следующее. В зависимости от того, возможен ли вполне определенный вывод о наличии конкретных фактов, на которые указывает оценочное суждение или такой вывод невозможен, будет решаться вопрос о включении данных фактов в предмет доказывания. Если возможно исчерпывающее выявление круга фактов, вывод о которых может быть сделан из оценочного суждения, суд включает в предмет доказывания эти

---

¹⁰⁹ Эрделевский А. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода. //Рос. юстиция. – 1997. - № 6. – С. 17.

факты. Например, высказывание «Иванов – вор» является оценочным суждением, но указывает на совершение Ивановым вполне конкретных действий, из данного высказывания следует только один вывод. Если же в силу субъективных причин (субъективно-оценочного характера) определить четко круг фактов, на которые указывает оценочное суждение не представляется возможным, содержание такого оценочного суждения в предмет доказывания вообще не входит. К такому виду оценочных суждений, по нашему мнению, относятся выражения типа «нечестный человек», «непорядочный» и т.п.

Очевидно, что четкую грань между оценочными суждениями первого типа и оценочными суждениями второго типа провести в некоторых случаях достаточно сложно. В каждом конкретном случае суд должен выяснять к какому виду относится оценочное суждение и, исходя из этого, формировать предмет доказывания.

Особую сложность для судов представляет решение вопроса о соответствии или несоответствии действительности сведений, содержащих обвинение конкретного лица в совершении преступления. При изучении судебной практики по данной категории дел были выявлены разные походы судей к решению этого вопроса. В подтверждение могут быть приведены следующие дела.

В. в исковом заявлении о защите чести и достоинства указал, что директор Республиканского центра физического воспитания и спорта учащихся и студентов в своем письме на имя ректора БГПА сообщил, что В. выкрал документы главной судейской коллегии. Суд удовлетворил иски требования В., указав при этом, что «факт взятия указанных документов истцом не оспаривается, однако суд считает, что изъятие документов В. неверно истолковано ответчиком, т.к. квалифицировать действия истца как «кражу» могут только уполномоченные на это органы.

По другому делу об опровержении сведений, содержащих обвинение Ш. в совершении должностного преступления, определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда постановлено производство по делу приостановить, а дело направить для проверки фактов, изложенных в исковом заявлении С. прокурору области, т.к. суду не представляется возможным дать оценку данному факту в гражданском процессе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила определение суда, а дело направила на новое рассмотрение, мотивировав это тем, что суд может приостановить производство по делу лишь в случаях, предусмотренных законом. Так, в соответствии с п. 4 ст. 160 ГПК суд обязан приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, уголовном или

административном порядке. Каких-либо дел, рассматриваемых в уголовном или другом порядке, до разрешения которых невозможно рассмотреть данное дело, не имеется.

В литературе данной проблеме не уделялось достаточного внимания. Большинство авторов, затрагивающих ее, ограничиваются указанием на то, что сведения о совершении преступления могут быть рассмотрены в порядке ст. 153 ГК и что суд, рассматривая такие иски, обязан по ходатайству сторон или по собственной инициативе запросить милицию, прокуратуру и др. компетентные органы о наличии данных, которыми они располагают по рассматриваемому в суде спору.

Отдельные авторы указывают, что суды по таким делам должны учитывать, что единственным доказательством соответствия действительности данного факта является приговор суда, т.к. никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 26 Конституции). С другой стороны, существует мнение, что презумпция невиновности к данному случаю не относится, она обязательна в деятельности государственных органов в процессе расследования уголовных дел. Поэтому речь должна идти не о доказывании факта совершения преступления, а о том, достаточно или недостаточно у ответчика оснований, для утверждения о совершении кем-либо преступления. Если у ответчика есть документы, позволяющие ему, руководствуясь своим правосознанием, сделать вывод о том, что налицо признаки совершения преступления, и эти документы представлены в суд, то даже при отсутствии приговора, суд должен отказать в иске и признать, что в данном случае распространенные сведения соответствуют действительности¹¹⁰.

На наш взгляд, проблема опровержения в порядке ст. 153 ГК сведений о совершении каким-либо лицом преступления достаточно сложна и вряд ли могут быть выработаны положения, которые бы подходили ко всем без исключения случаям, возникающим на практике. Тем не менее некоторые рекомендации могут быть даны. Прежде всего, необходимо различать сведения о действиях (бездействии) истца, которые могут быть оценены как преступные и которым ответчиком уже дана оценка как преступным. В обоих случаях дело должно быть рассмотрено по существу. Однако, в зависимости от вида сведений, являющихся предметом судебного разбирательства, рассмотрение и разрешение дел будет иметь некоторые различия. В первом случае в предмет доказывания включается факт совершения (или не совершения) истцом действий (бездействия). Если при рассмотрении дела суд обнаружит

---

¹¹⁰ Защита чести и достоинства: Теорет. и практ. вопр./ Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. - М.: Шаг, 1997.- С. 74.

признаки преступления в действиях истца, он сообщает об этом прокурору частным определением (ч. 2 ст. 325 ГПК).

Более сложной является проблема оспаривания сведений, в которых уже дана оценка действиям истца как преступным. Разрешение дела о защите чести, достоинства и деловой репутации должно быть поставлено в данном случае, в зависимость от того, возбуждалось ли в отношении истца уголовное дело по фактам, оспариваемым им в гражданском процессе.

Если уголовное дело возбуждено и находится в производстве компетентных органов, суд обязан приостановить производство по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации до вступления в законную силу приговора суда (п.4 ст. 160 ГПК). Такой приговор обязателен для суда по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (ч. 4 ст. 182 ГПК).

Если уголовное дело в отношении истца не возбуждалось и его возбуждение зависит от ответчика, суд на основании ч. 2 ст. 160 ГПК устанавливает для него срок обращения в компетентный орган. Если ответчик данной ему возможностью не воспользуется, а также в случаях, когда дело о преступлении, которое, по мнению ответчика, совершил истец, является делом публичного обвинения (ст. 26 УПК), необходимо исходить из следующего. Сведения о совершении кем-либо преступления – это оценочные суждения, поскольку в них содержатся не только утверждения о совершенных действиях (бездействии), но также и оценка этих действий (бездействия) как преступных. В предмет доказывания по делам об опровержении подобных сведений должен входить факт несоответствия действительности утверждений о совершении истцом действий, которые оценены ответчиком как преступные. В случае, если данный факт будет установлен, правильность его оценки ответчиком предметом судебного разбирательства быть не может, поскольку, в соответствии со ст. 26 Конституции признание гражданина виновным в совершении преступления возможно только вступившим в законную силу приговором суда. Это не означает, однако, что самим судом не может быть дана оценка действиям истца, как содержащим признаки преступления, поскольку такая оценка необходима для решения вопроса о вынесении частного определения (ч. 2 ст. 325 ГПК).

При этом в ходе рассмотрения такого дела направление судом в прокуратуру сообщения о проверке фактов, изложенных в исковом заявлении, представляется недопустимым. В соответствии со ст. 179 ГПК каждая сторона доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований или возражений. Если доказательств, предоставленных юридически заинтересованными в исходе дела лицами, недостаточно, суд предлагает им представить дополнительные доказательства. Если для названных лиц представление дополнительных доказательств невозможно, суд на основании их ходатайств содействует в истребовании таких доказательств.

В данной статье речь идет о случаях, когда юридически заинтересованным лицам известно о наличии конкретного доказательства, но по каким-либо причинам представление данного доказательства в суд для них невозможно. В случаях же направления в прокуратуру сообщения о проверке факта, речь идет о сборании доказательств, подтверждающих или опровергающих оспариваемый факт. Это влечет за собой существенное нарушение прав истца, и ставит ответчика в более выгодное положение, т.к. доказывание факта соответствия распространенных сведений действительности будет производиться фактически судом, в то время как ст. 153 ГК возлагает эту обязанность на ответчика, освобождая истца от доказывания факта несоответствия сведений действительности.

Одна из особенностей формирования предмета доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации связана с действием **доказательственной презумпции**, установленной в ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

В соответствии с ч.1 ст. 153 ГК сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию граждан или юридических лиц опровергаются судебным решением, если распространивший их не докажет, что они соответствуют действительности.

Следует отметить, что наличие в ст. 153 ГК доказательственной презумпции признается не всеми. Так, М.К. Треушников полагает, что норма статьи, предусматривающая гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации, содержит не презумпцию, а иной способ распределения обязанностей по доказыванию¹¹¹.

По мнению М.А. Гурвича, норма статьи, предусматривающая защиту чести и достоинства, возлагая на распространителя сведений обязанность доказать, что они соответствуют действительности, активно и реально охраняет честь и достоинство граждан и организаций. Вместе с тем она побуждает всех, кто распространяет такие сведения, тщательно проверять их соответствие действительности и обеспечивать себя надлежащими доказательствами. В существовании здесь какой-либо презумпции, например, лживости распространенных порочащих сведений или, что, по существу, одно то же, презумпции чести и достоинства всех граждан и организаций, по мнению ученого, нет никакой надобности, не говоря уже об их надуманности и неприемлемости. Для применения нормы статьи,

---

¹¹¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. – С. 69.

предусматривающей защиту чести и достоинства, подобная презумпция не нужна¹¹². Такого же мнения придерживается В. Елизаров¹¹³.

Большинство же авторов признает закрепление в статье, предусматривающей гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации, доказательственной презумпции¹¹⁴.

Указанные разногласия по вопросу о наличии в ст. 153 ГК доказательственной презумпции обусловлены существующей в процессуальной литературе дискуссией о сущности и природе доказательственных презумпций.

В юридической литературе было дано немало определений презумпций. Наибольшее распространение получило следующее определение: правовая презумпция - это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и известными фактами и подтвержденное предшествующим опытом¹¹⁵. При этом методом образования презумпции считают неполную индукцию¹¹⁶. Иными словами, по общему правилу презумпции с точки зрения их логической природы являются обобщениями жизненного опыта, практики многих поколений людей, в силу чего они обладают высокой степенью вероятности. Таким качеством, например, обладает презумпция, установленная в ст. 51 КоБС, из которой вытекает, что отцом ребенка, родившегося в браке, является муж матери. В качестве примера можно также привести ст. 41 ГК, касающуюся объявления гражданина умершим. Данная статья содержит презумпцию смерти гражданина, установление которой объясняется тем, что столь длительное отсутствие гражданина в месте его постоянного жительства, если нет сведений о месте его пребывания, связано, как правило, с его смертью.

Презумпция, установленная в ст. 153 ГК, таким качеством как высокая степень вероятности не обладает. Как справедливо отмечают авторы, отрицающие наличие в законе презумпции несоответствия действительности распространенных порочащих сведений, ложность распространенных сведений не является правилом, устойчивым явлением, не отражает «обычный порядок» вещей, а скорее наоборот. В связи с этим она не может предполагаться.

---

¹¹² Гурвич М.А. Доказательственные презумпции в советском гражданском процессе // Сов. юстиция. – 1968. – № 12. – С. 9.

¹¹³ Елизаров В. Распределение обязанности доказывания в исках о защите чести и достоинства // Сов. юстиция. - 1968.- № 9.- С. 12.

¹¹⁴ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. - М.: Наука, 1985. – С. 35.; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практ. рек. – Ярославль: Ред. газ. «Именем закона», 1995. – С. 13.

¹¹⁵ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Учеб. пособие/ М-во внутр. дел СССР, Горьк. высш. шк. – Горький, 1974. – С. 14.

¹¹⁶ Там же. С. 10.

Однако наряду с презумпциями, отражающими «обычный порядок» предметов и явлений, существуют презумпции особого рода, введение которых обусловлено сугубо политическими задачами»¹¹⁷. Таковы, например, презумпция невиновности, а также рассматриваемая нами презумпция. По мнению В.К. Бабаева они относятся к презумпциям, т.к. во-первых, являются предположениями, и, во-вторых, выполняют ту же служебную роль, что и остальные презумпции¹¹⁸.

На наш взгляд, с данной позицией следует согласиться. Ст. 153 ГК содержит презумпцию, введение которой было обусловлено стремлением законодателя гарантировать гражданам и юридическим лицам наибольшую защиту от распространения клеветнических измышлений. Ее установление значительно облегчает положение истца в процессе, освобождая его от доказывания факта несоответствия сведений действительности. Данный факт предполагается существующим, пока ответчик не докажет обратное. Отсутствие данной презумпции существенно осложнило бы положение лица, о котором распространены не имевшие места в действительности сведения, т.к. доказывание отсутствующих фактов (так называемых отрицательных) представляет большую сложность. Кроме того, установление рассматриваемой презумпции имеет и превентивное значение, побуждая граждан воздерживаться от распространения непроверенных, неподкрепленных доказательствами, порочащих других лиц сведений.

Среди авторов, признающих наличие в ст. 153 ГК доказательственной презумпции, нет единства мнений по поводу названия данной презумпции. Так, одни называют её «презумпцией добропорядочности»¹¹⁹, другие - «презумпцией несоответствия действительности порочащих лицо сведений»¹²⁰. По этому вопросу хотелось бы отметить следующее. Приведенные выше названия, по сути, друг от друга не отличаются, и то и другое верно. Вместе с тем, встречаются утверждения, что гипотеза статьи, предусматривающая гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации, содержит «презумпцию вины распространителя порочащих сведений», при этой ей придается то же значение, что и «презумпции несоответствия действительности распространенных порочащих сведений». Такова, например, позиция Д.М. Чечота¹²¹, С.Ф. Сокола, В.Н. Парашенко¹²². Определять данную презумпцию таким образом, на

---

¹¹⁷ Там же. С. 16.

¹¹⁸ Там же. С. 16.

¹¹⁹ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. - М.: Наука, 1985. - С.34; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практ. рек. - Ярославль: Ред. газ. «Именем закона», 1995. - С. 23.

¹²⁰ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд.-правовая защита личных неимуществ. прав граждан. - М.: Юрид. лит., 1990. - С. 159.

¹²¹ Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. - М.: ПРОСПЕКТ, 1997. - С. 200.

наш взгляд, нет никаких оснований. Общеизвестно, что вина не является одним из условий наступления ответственности по ст. 153 ГК, и указанными авторами это не отрицается. Предлагаемое определение наводит на мысль об обратном, что в корне неверно.

В юридической литературе вопрос о том, какое влияние на предмет доказывания оказывает содержащаяся в норме материального права презумпция, является дискуссионным. Согласно одной точке зрения, презюмируемый факт не исключается из предмета доказывания. Одна из сторон освобождается от доказывания данного факта не потому, что он не требует доказывания, а потому, что обязанность доказывания данного факта возлагается на другую сторону. Таким образом, сущность презумпции заключается в том, что она перераспределяет бремя доказывания между сторонами. Такова позиция Т.А. Лилуашвили, Л.П. Смышляева, С.В. Курылёва¹²³.

По мнению других авторов, одна из сторон освобождается от доказывания презюмируемого факта не потому, что обязанность по его доказыванию перекладывается на другую сторону, а потому, что данный факт вообще не подлежит доказыванию, он исключается из предмета доказывания¹²⁴.

Необходимо отметить, что в действующем ГПК норма о том, что факты, которые согласно закону предполагаются установленными, не подлежат доказыванию, содержится в ст. 179 ГПК «Распределение бремени доказывания, представление и истребование доказательств». Из этого можно сделать вывод, что законодатель в настоящее время придает презумпции значение средства перераспределения обязанностей по доказыванию, в то время как в ГПК 1964 г. правило о действии презумпций в гражданском процессе было закреплено в ст. 31 «Основания освобождения от доказывания».

На наш взгляд, ранее занимаемая законодателем позиция точнее отражает сущность законных доказательственных презумпций. Наличие в ст. 153 ГК презумпции не возлагает на ответчика обязанности по доказыванию каких-либо дополнительных фактов, какие он не должен был бы доказывать при отсутствии презумпции. И при наличии и при отсутствии презумпции ответчик, не признающий иск должен приводить факты, свидетельствующие об

---

¹²² Паращенко В.Н., Сокол С.Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке. – Минск: ЗАО Веды, 1998. – С. 21.

¹²³ Лилуашвили Т.А. О доказывании предполагаемых фактов в советском гражданском процессе// Сов. государство и право. – 1962. - № 12. – С.146; Смышляев Л.П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – С. 21; Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1969. – С.95.

¹²⁴ Родионова О.Н. Презумпции как основание освобождения от доказывания// Проблемы применения норм гражданского процессуального права: Межвуз. сб. науч. тр./ Свердлов. юрид. ин-т; Отв. ред.: К.И. Комиссаров, Ю.К. Осипов. - Свердловск, 1986.- С.74.

истинности распространенных им сведений, т.к. эти факты обосновывают его возражения против иска. Таким образом, общее правило распределения обязанностей по доказыванию остается неизменным. Следовательно, за презумпциями нельзя признать значение средства перераспределения обязанностей по доказыванию между сторонами. Презумпция освобождает одну сторону от доказывания презумптивного факта, не перекладывая при этом его доказывание на другую сторону, а исключая его вообще из предмета доказывания. В предмет доказывания включается не презумптивный факт (в нашем случае «несоответствие действительности распространенных порочащих сведений»), а противоположный ему факт «соответствия сведений действительности», который по общему правилу доказывается ответчиком.

Таким образом, по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации факт несоответствия сведений действительности в предмет доказывания не включается, за исключением случаев, когда истец воспользуется своим правом доказывать ложность распространенных о нем сведений. Если же истец, воспользовавшись данным правом, привести достаточных доказательств не сможет, в основу судебного решения должна быть положена презумпция несоответствия распространенных сведений действительности, если ответчик не докажет обратное.

По делам о защите чести, достоинства и деловой репутации одним из юридических фактов, который необходимо установить по делу, является **порочащий характер** распространенных сведений. Вопрос о том, следует ли данный юридический факт включать в предмет доказывания, не находит однозначного разрешения. Так, К.Б. Ярошенко, Е.А. Ковалев, В.Д. Шевчук полагают, что истец должен не просто заявлять, что распространенные сведения порочат его честь, достоинство или деловую репутацию, но и обосновывать это, приводить доказательства¹²⁵.

Существует также мнение, что порочащий характер сведений – явление очевидное и в особом доказывании не нуждается¹²⁶.

---

¹²⁵ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд.-правовая защита личных неимуществ. прав граждан. - М.: Юрид. лит., 1990. – С. 159; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практ. рек. – Ярославль: Ред. газ. «Именем закона», 1995. – С. 23.

¹²⁶ Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М.: Юрист, 1994. – С. 29; Сергеев А.П. Право на защиту репутации. - Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1989. – С. 24.

Ю.В. Молочков установление порочающего характера сведений ставит в зависимость от выявления факта несоответствия сведений действительности, полагая, что в самом факте несоответствия сведений действительности заложен элемент порочности¹²⁷.

Большинство же авторов, анализируя проблемы доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации считают, что истец должен доказать то, что сведения были распространены и что сделал это ответчик¹²⁸. Специально доказывать, что сведения порочат его репутацию истец не должен. Так, О.С. Иоффе утверждал, что «индивидуальная оценка фактов, производимая лицом, распространяющим о них сведения, во внимание вовсе не принимается. Оценка, даваемая тем же фактам потерпевшим, приобретает правовую значимость лишь в том смысле, что она побуждает его к возбуждению дела в суде и обязывает суд принять такое дело к своему производству. Но и эта оценка для суда не является обязательной. В основу судебного решения должна быть положена та оценка фактов, упоминаемых в распространенных сведениях, которая дается самим судом, становящимся на точку зрения советского общества в целом. Если суд придет к выводу, что факты, сведения о которых были распространены, способны опорочить честь и достоинство гражданина не только в его собственном, но и в общественном мнении, то при наличии всех прочих предусмотренных ст.7 ГК условий он обязан заявленное требование удовлетворить»¹²⁹.

Некоторые авторы, утверждая, что истец не должен доказывать, что сведения порочат его репутацию, в то же время добавляют, что ответчик может доказывать, что сведения, о которых идет речь, не являются порочащими, не умаляют честь и достоинство истца¹³⁰.

Для ответа на вопрос о том, включается ли такой юридический факт как порочающий характер сведений в предмет доказывания, необходимо, прежде всего, определить с каких позиций суд должен оценивать характер распространенных сведений. Анализ литературных источников, касающихся данной проблематики, позволяет выявить два подхода. Одни авторы полагают, что суд должен выяснять являются ли распространенные сведения порочащими вообще, безотносительно к тому в отношении кого они были распространены и без учета иных

---

¹²⁷ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С. 13.

¹²⁸ Пронина М.Г. Защита чести и достоинства гражданина: (гражд.-правовые средства). – Минск: Беларусь, 1976. – С. 55; Парашенко В.Н., Сокол С.Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке. – Минск: ЗАО Веды, 1998. – С. 21; Трубников П.Я. Право на судебную защиту чести и достоинства // Социалист. законность. – 1986. - № 12.- С. 12.

¹²⁹ Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства // Сов. государство и право. – 1962. - № 7.- С. 65.

¹³⁰ Пронина М.Г. Защита чести и достоинства гражданина: (гражд.-правовые средства). – Минск: Беларусь, 1976. – С. 131.

обстоятельств дела. Другие - что суд должен выяснять являются ли сведения порочащими данного человека или юридическое лицо при данных условиях.

Иными словами, вопрос заключается в том, должна ли быть оценка каких-либо конкретных сведений как порочащих постоянной, независящей от конкретных обстоятельств дела. Утвердительно, на наш взгляд, на этот вопрос отвечали авторы, которые полагали, что характер распространенных сведений суд определяет уже в стадии возбуждения дела, при принятии искового заявления, т.к. спор о сведениях, которые не могут порочить честь и достоинство, по их мнению, суду неподведомственен¹³¹.

Однако сейчас преобладает мнение, согласно которому на оценку распространенных сведений влияет целый ряд условий. Одни и те же сведения в зависимости от индивидуальных качеств лица, в отношении которого они распространены, могут получить различную оценку. Неслучайно поэтому закон не определяет какие сведения являются порочащими и не дает даже примерного их перечня.

Судебная практика при определении характера распространенных сведений руководствуется разъяснениями Пленума Верховного Суда, данными в постановлении № 15 от 23 декабря 1999 года. В п. 8 постановления, в частности, указано, что порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев. Следует отметить, что такой взгляд на проблему признания сведений порочащими является общепризнанным. Однако формулировка, содержащаяся в постановлении нуждается в уточнении. Вместо термина «закон» целесообразнее было бы употребить термин «законодательство», поскольку порочащими могут оказаться сведения о нарушении норм права, содержащихся не только в законах, но и в других нормативных актах.

В определении порочащих сведений, данным Пленумом Верховного Суда, четко установлено три вида подобных сведений:

- сведения о нарушении законов.
- сведения о нарушении норм морали;
- сведения о нарушении обычаев.

В юридической литературе общепризнанно, что любое аморальное поведение является порочащим. По вопросу же о том всякое ли противоправное действие порочит честь и

---

¹³¹ Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1971. - С. 71; Рафиева Л.К. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности в СССР: Автореф. дис. .... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Ленингр. гос. ун-т. - Л., 1966. - С.16.

достоинство совершившего его лица среди специалистов единого мнения нет. Л.К. Рафиева, А.В. Белявский, Н.А. Придворов отвечают на данный вопрос утвердительно. По их мнению, любое противоправное поведение является одновременно и аморальным, а, следовательно, и порочащим честь и достоинство¹³².

На наш взгляд, данную точку зрения убедительно опровергает В.Л. Суховерхий, утверждая, что право может требовать того, что для нравственности совершенно безразлично¹³³. Так, по его мнению, вряд ли можно считать аморальным поступок лица, нарушившего установленную в законодательстве форму сделки. Таким образом, не всякое противоправное поведение является аморальным, равно как и не всякое аморальное поведение является одновременно противоправным. Однако необходимо уточнить, что оценка сведений, в данном случае, будет зависеть ещё и от личности истца. Если сведения о нарушении установленной в законодательстве формы сделки распространены в отношении юриста, данные сведения, безусловно, порочат его деловую репутацию.

Понятие «порочащий характер сведений» является обобщающим. Определяя характер распространенных сведений, суд должен конкретизировать в чем заключается эта порочность. Для этого в некоторых случаях недостаточно выяснить содержат ли сведения обвинение в нарушении норм морали или права, а необходимо также установить изменилось ли мнение окружающих об этом лице.

В предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации входит также факт **распространения порочащих истца сведений**, под которым следует понимать их сообщение нескольким или хотя бы одному лицу. Необходимо отметить, что установление данного факта, как правило, затруднений в судебной практике не вызывает. Вместе с тем, в постановлении Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года подчеркнуто, что сообщение порочащих сведений только лицу, которого они касаются, распространением не является. В этом случае потерпевший вправе ставить вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности за оскорбление. Однако, по мнению ряда авторов, защита чести и достоинства граждан необходима и в этих случаях, потому что при сообщении порочащих сведений самому гражданину возникает реальная угроза их распространения среди других лиц. Поэтому гражданин должен иметь право предъявить

---

¹³² Рафиева Л.К. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности в СССР: Автореф. дис. .... канд. юрид. наук:12.00.03/ Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1966. – С. 16; Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит.,1971. – С. 67.

¹³³ Суховерхий В.Л. Некоторые вопросы применения ст. 7 ГК РСФСР// Сб. аспирантских работ/ Свердлов. юрид. ин-т; Ред. кол.: Б.Ф. Ливчак и др. – Свердловск, 1968. - Вып. 7. - С.201.

предупредительный иск о запрещении распространять эти сведения¹³⁴. Думается, что установление в законе возможности подать такой иск нецелесообразно, поскольку возбуждение подобного дела будет иметь прямо противоположное его целям последствие: иск будет предъявляться с требованием запретить распространение порочащих лицо сведений и являться в то же время источником их распространения.

Интересной представляется практика судов Российской Федерации по вопросу толкования понятия «распространение порочащих сведений». По мнению высшей судебной инстанции РФ, следует различать распространение не соответствующих действительности порочащих сведений и реализацию гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в случае, когда гражданин обращается в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны рассматривать эти обращения, принимать по ним решения и давать мотивированный ответ в установленный законом срок, и в этом обращении приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы сообщает о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не находят подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности по ст. 152 ГК РФ. По мнению Верховного Суда РФ в данном случае имеет место реализация гражданином конституционного права на обращения в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений. Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3).

На наш взгляд, такой подход в толковании понятия «распространение несоответствующих действительности порочащих сведений», применительно к статье, предусматривающей защиту чести, достоинства и деловой репутации вполне оправдан, и аналогичные разъяснения целесообразно было бы дать в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15.

3.2. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

---

¹³⁴ Гражданское право: Учеб.: В 2 т./ Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Бек, 1993. – Т. 1. – С. 64.

Один из наиболее сложных вопросов, возникающих в процессе доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, касается использования при рассмотрении указанной категории дел специальных знаний в области филологии (лингвистики) в форме заключения эксперта.

В юридической литературе и судебной практике отношение к такого рода экспертным исследованиям неоднозначно. Ряд авторов полагают, что по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации потребность в лингвистической экспертизе текстов (распространенных сведений) безусловно имеется¹³⁵. Для названия подобного вида экспертиз в литературе предлагаются самые различные наименования, например, такие как «лингвистическая», «текстологическая», «филологическая», «литературоведческая». По мнению сторонников этой позиции, потребность в таких экспертных исследованиях в первую очередь, объясняется усложнением современного «образа языка» («языкового образа мира»), активным участием языка в общественном развитии, в научно-техническом прогрессе, семантическими сдвигами в лексике, фразеологии и особой «языковой ситуацией» в нашей стране¹³⁶. Практика, при которой судьи самостоятельно оценивают текст исходя из собственного лексического опыта, житейских знаний и личных убеждений представляется сторонникам данной позиции ошибочной.

Следует отметить, что в Республике Беларусь имеется уже немалый опыт проведения лингвистических экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. По подсчетам специалистов общее число проведенных экспертиз приближается к полусотне.¹³⁷ Однако научной литературы, обобщающей подобный опыт, в Республике Беларусь практически нет. Гораздо большая работа в этом направлении ведется в Российской Федерации, где, в частности, создана Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)¹³⁸, издается научная и практическая литература, посвященная проведению лингвистических экспертиз.¹³⁹ При этом, большинство специалистов сходятся во мнении, что

---

¹³⁵ Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. – М., Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. – С. 179; Губаева Т., Муратов, М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Российская юстиция. – 2002. - № 4.; Щербакова О. Лингвистическая экспертиза как новый вид экспертных исследований. // Судовы веснік. 2005. - № 3. – С. 60.; Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.

¹³⁶ Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычино; науч.ред. Н.Н. Довнар. – Мн.: ООО «ИПА «Регистр», 2004 г. – С. 142.

¹³⁷ Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычино; науч.ред. Н.Н. Довнар. – Мн.: ООО «ИПА «Регистр», 2004 г. – С. 119.

¹³⁸ Подробную информацию о деятельности ГЛЭДИС можно найти в Интернете на сайтах www.rusexpert.ru и www.expertizy.narod.ru

¹³⁹ Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сб. материалов науч.-практ. семинара под ред проф. М.В. Горбаневского. М., 2004; Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2004; Понятие чести, достоинства и

судебная лингвистическая экспертиза – это только формирующаяся отрасль судебно-экспертной деятельности¹⁴⁰ и чтобы она стала эффективным правовым инструментом, нужен достаточный теоретический материал, определенная научная база, включающая специфическую кодификацию норм, принципов, методик, терминологического аппарата. Отсутствие этого, приводит в настоящее время к тому, что экспертные заключения отличаются субъективизмом, недостаточной убедительностью выводов, неопределенностью и слабой эксплицированностью методик, оценок и доводов.¹⁴¹

Вместе с тем многие юристы-практики и судьи, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации считают, что необходимости в назначении лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации нет. Более того, по их мнению, назначение подобной экспертизы не соответствует действующему процессуальному законодательству, поскольку круг поставленных перед экспертами вопросов в подавляющем большинстве случаев относится не к области филологии (лингвистики), а к области права.

Полагаю, что в целом верна именно эта позиция. В результате проведенного анализа имеющихся по данной проблематике публикаций, а также отдельных экспертных заключений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, автор пришел к выводу, что назначение лингвистических экспертиз – это в большинстве случаев попытка переложить решение безусловно сложных, но тем не менее правовых вопросов, на эксперта филолога (лингвиста).

Для подтверждения этой позиции, обратимся к анализу вопросов, наиболее часто рекомендуемых в юридической литературе для постановки перед экспертом филологом (лингвистом). Предлагаемые формулировки вопросов, по понятным причинам разнообразны, поэтому мы постарались выбрать наиболее, на наш взгляд, типичные и классифицировали их на две группы.

1. Вопросы, которые, на наш взгляд, не относятся к рассматриваемому делу.

Например:

- Какое определение можно дать лексическим и стилистическим особенностям публикации?

- Можно ли определить, какие цели преследовал автор при написании статьи (заметки, очерка и т.д.)?

деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. И доп. / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004.

¹⁴⁰ Галяшина Е.И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы (Методические рекомендации). // <http://plagiatmk.narod.ru/lingvoexpertiza.htm>

¹⁴¹ Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов). // <http://irbis.asu.ru/mmc/golev/11.ru.shtml>

- К какому жанру журналистики относится публикация ответчика?

- Могут ли вопросительные предложения являться утвердительными суждениями?¹⁴²

Постановка вышеперечисленных вопросов перед экспертами не соответствует юридическим целям судебной экспертизы. По действующему законодательству экспертиза как специальное исследование есть средство получения судебного доказательства, на основании которого суд устанавливает наличие или отсутствие фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела (т.е. фактов предмета доказывания).

Основу предмета доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации образуют юридические факты материально-правового характера, указанные в гипотезе ст. 153 ГК, а именно:

- несоответствие сведений действительности;
- порочащий характер сведений;
- распространение сведений.

Для установления этих фактов, на наш взгляд, нет никакой необходимости определять лексические и стилистические особенности публикации; цель, которую преследовал ответчик, распространяя оспариваемые сведения; жанр, в котором написано произведение, содержащее оспариваемые сведения, а также другие подобные вопросы.

2. Вопросы, разрешение которых входит (на наш взгляд) в компетенцию суда.

Вопросы, которые мы отнесли к этой группе, несмотря на многообразие формулировок по сути направлены на выяснение двух обстоятельств:

1. являются ли сведения порочащими;

Например:

- Могут ли сведения быть признаны информацией о нарушении гражданином законом, моральных принципов, норм человеческого общежития?

- Содержатся ли в указанной публикации утверждения о нарушении истцом действующего законодательства или моральных принципов (нравственных норм, правил общественного поведения)? Если содержатся, то в каких именно фразах, высказываниях, предложениях?¹⁴³

- Имеются ли в представленных материалах сведения (информация), негативно характеризующая личность (деятельность) истца¹⁴⁴

¹⁴² Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычино; науч.ред. Н.Н. Довнар. – Мн.: ООО «ИПА «Регистр», 2004 г. – С. 142

¹⁴³ Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычино; науч.ред. Н.Н. Довнар. – Мн.: ООО «ИПА «Регистр», 2004 г. – С. 142

Порочающий характер оспариваемых истцом сведений, как уже было сказано, является одним из фактов предмета доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Его установление относится исключительно к компетенции суда. В подтверждение этого могут быть приведены следующие доводы.

Экспертиза назначается с целью получения новых доказательств, способных подтвердить (или опровергнуть) факты, имеющие юридическое значение. Иными словами, главная задача эксперта – установить факт-доказательство, но не юридический факт – факт предмета доказывания. Сами юридические факты (факты предмета доказывания) – не предмет экспертизы. Правильное определение юридических фактов – задача и компетенция суда.¹⁴⁵

2. относятся ли опровергаемые истцом фразы к категории сведения, мнения или оценочные суждения.

Например:

- *Если публикация содержит негативную информацию об истце, то в какой форме она выражена (утверждения, суждения, мнения, предположения)?*

- *Какие из приведенных истцом фраз являются оценочными суждениями?*

- *Какие из приведенных в заявлении истца в суд высказываний содержат сведения (суждения фактологического характера) об истце лично?¹⁴⁶*

- *Допускают ли языковые формы высказываний в тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности?¹⁴⁷*

Выяснение вышеперечисленных вопросов необходимо суду для юридической квалификации правоотношения и, соответственно, определения нормативного акта, подлежащего применению. Так, если ответчиком распространены сведения¹⁴⁸ (утверждения о фактах, информация фактологического характера), указанное правоотношение подпадает под действие ст. 153 ГК «Защита чести, достоинства и деловой репутации». В случае распространения ответчиком своего мнения или оценочного суждения – предметом судебного разбирательства в порядке ст. 153 ГК такие мнения и оценки быть не могут. Их распространение подпадает под действие ст. 33 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. Никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них.

---

¹⁴⁴ Щербакова О. Лингвистическая экспертиза как новый вид экспертных исследований. // Судовы веснік. 2005. - № 3. – С. 60.

¹⁴⁵ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 2000. – с. 36.

¹⁴⁶ Защита чести, достоинства и деловой репутации: проблемы журналистики и права / Н.Н. Довнар, С.А. Зикрацкий, О.К. Романенко, М.А. Тычино; науч.ред. Н.Н. Довнар. – Мн.: ООО «ИПА «Регистр», 2004 г. – С. 142

¹⁴⁷ Губаева Т., Муратов, М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Российская юстиция. – 2002. - № 4.

¹⁴⁸ Под сведениями понимается известие, сообщение о каком-либо факте [214, с.375].

Оценка оспариваемой информации с точки зрения отнесения ее к сведениям или оценочным суждениям, на наш взгляд, является исключительно компетенцией суда. Суд не вправе ставить на разрешение эксперта вопросы, выходящие за пределы его специальных познаний. В частности, недопустима постановка перед экспертом вопросов правового характера¹⁴⁹, например, о разъяснении сущности тех или иных правоотношений (как в рассматриваемом случае).¹⁵⁰

Можно привести и другие аргументы в обоснование указанной позиции. Следует признать, что решение вопроса о том, к какому виду относится опровергаемая истцом информация - к сведениям о фактах или к оценочным суждениям – во многих случаях вызывает у судей затруднения. Связано это не в последнюю очередь с отсутствием официальных разъяснений на этот счет и именно этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется рост популярности лингвистических экспертиз – судьи все чаще прибегают к ним как к своеобразной «палочке-выручалочке». С другой стороны, в подавляющем большинстве случаев судьи решают вопрос об отнесении распространенной информации к сведениям или оценочным суждениям самостоятельно, не прибегая к помощи экспертов. При этом, в тех случаях, когда судьи полагают возможным в принципе проведение подобного рода экспертиз, они решают этот вопрос в каждом конкретном случае по своему усмотрению исходя из одного критерия – сложности вопроса. Вместе с тем, хотя потребность в специальных знаниях в большинстве случаев (за исключением прямо указанных в законе) определяется усмотрением суда, однако это усмотрение должно строиться на объективных предпосылках. Недопустимо, на наш взгляд, в качестве критерия потребности в специальных знаниях в анализируемом нами случае использовать субъективную оценку судьи определенного вопроса по критерию «простой - сложный». И последнее. Если признать, что для выяснения вопроса об отнесении оспариваемой информации по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации к категории сведения или оценочные суждения необходимы специальные знания в области филологии (лингвистики), следует также признать, что разрешение этого вопроса судом, без назначения экспертизы во всех без исключения случаях недопустимо и должно влечь за собой отмену судебного решения.

Отрицая возможность проведения лингвистических экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, автор не исключает при этом использование специальных знаний филолога (лингвиста) по делам данной категории в иной форме. В частности, для

---

¹⁴⁹ Гражданское процессуальное законодательство не содержит определения понятия «специальные познания». В юридической литературе под специальными познаниями обычно понимают сферу профессиональных знаний, которые не относятся к общеизвестным, аккумулированным в повседневном, житейском опыте человека, а также не являются правовыми. См., например, Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997 г.. – С. 269; Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юристъ, 2004. – С. 610.

¹⁵⁰ Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / под общей редакцией Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. – Минск: ТЕСЕЙ. – 2005. – С. 308.

выяснения вопросов справочного характера (например, в каком значении употреблено то или иное слово) допустимо, на наш взгляд, привлекать филолога (лингвиста) в качестве специалиста, в порядке, установленном ст.ст. 99-101 ГПК.

3.3. Некоторые вопросы содержания судебного решения и его исполнения.

Не умаляя важности правильного составления вводной, описательной и мотивировочной частей судебного решения по исследуемой категории дел, особое внимание хотелось бы уделить резолютивной части. Именно эта часть судебного решения в наибольшей степени отражает специфику каждой категории гражданских дел. Применительно к делам о защите чести, достоинства и деловой репутации эта специфика закреплена положениями ст. 309 ГПК («Решение, обязывающее ответчика совершить определенные действия») и ст. 197 ХПК («Решение хозяйственного суда, обязывающее ответчика совершить определенные действия»), предусматривающими, что если указанные действия могут быть совершены только ответчиком, суд устанавливает срок, в течение которого решение должно быть исполнено». К подобного рода действиям традиционно относят опровержение сведений, порочащих честь и достоинство

151

Более подробные указания относительно содержания резолютивной части решения по данной категории дел содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 15 от 23 декабря 1999 года и в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 16 от 26 апреля 2005 года. При вынесении решения об удовлетворении иска общий и хозяйственный суды обязаны в резолютивной части указать:

- какие сведения признаются порочащими;
- способ их опровержения;
- срок, в течение которого оно должно последовать (п.14, п.12)

В необходимых случаях суд может изложить текст опровержения.

Как правило, суды выполняют такие требования высших судебных инстанций к резолютивной части решений, указывая конкретные сведения, которые признаются порочащими. Вместе с тем, в судебной практике встречались случаи, когда в резолютивной части решения суды признавали не соответствующими действительности сведения, изложенные в определенной статье, опубликованной в печати, в полном объеме. Данную практику нельзя признать правильной. В резолютивной части судебного решения должны

---

¹⁵¹ Научно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР /Под ред. Н.Г. Юркевича, В.Г. Тихини. - Минск: Беларусь, 1989. – С. 244.

обязательно содержаться фразы (цитаты из распространённой информации), которые подлежат опровержению.

В резолютивной части судебного решения должен быть указан способ опровержения порочащих сведений. Опровержение является специальной мерой защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина или юридического лица, предусмотренной ст. 153 ГК, и представляет собой доведение до сведения, по возможности, всех лиц, среди которых были распространены порочащие сведения, информации о несоответствии их действительности.

В случае распространения сведений в средствах массовой информации на стороне ответчика в большинстве случаев возникает обязательное соучастие (в качестве ответчиков должны привлекаться автор публикации и редакция средства массовой информации). В связи с этим возникает проблема распределения между ними обязанности по опровержению. Несмотря на то, что обязанность опровергнуть порочащие сведения распространяется на всех соответчиков, в рассматриваемой ситуации эту обязанность исполняют редакции средств массовой информации, публикуя опровержение. Автор публикации фактически освобождается от обязанности по опровержению. Об этом можно судить хотя бы по отсутствию подписи автора опровергаемой публикации под опровержением. В связи с этим в юридической литературе предлагалось возлагать на автора обязанность написать опровержение, а на редакцию средства массовой информации – обязанность опубликовать его.¹⁵²

На наш взгляд, предоставлять ответчику возможность формулировать опровержение по своему усмотрению, нецелесообразно. Это объясняется многими причинами, основной среди которых является наличие в практике примеров опровержений, подготовленных ответчиками самостоятельно, в которых информация до слушателей доводится в недопустимо оскорбительном для истца, а нередко и для суда, тоне, и зачастую, содержатся новые сведения, порочащие истца. Кроме того, имеют место случаи, когда опровержение в средствах массовой информации производится без указания на те конкретные сведения, которые опровергаются. Так, в одной из республиканских газет в свое время в рубрике «Постскриптум» было помещено опровержение, в котором, в частности, было указано следующее: суд удовлетворил требования истца, признав ряд фактов, приведенных в статье «Письмо из-за колючей проволоки», не соответствующими действительности, порочащими честь и достоинство Ш. Выполняя решение суда Партизанского района г. Минска, редакция приносит Ш. свои извинения.

---

¹⁵² Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1971. – С.117; Чернышёва С.А. Защита чести и достоинства граждан. - М.: Моск. рабочий, 1974. – С. 36.

Главной причиной появления опровержений, произведенных с нарушением законодательства, на наш взгляд, является то обстоятельство, что ответчик самостоятельно определяет содержание публикуемого опровержения.

Можно предложить два пути решения указанной проблемы. Во-первых, в законодательном порядке обязать суд излагать во всех случаях удовлетворения иска текст опровержения. Второй путь решения указанной проблемы состоит в том, чтобы обязывать редакцию средства массовой информации в качестве опровержения публиковать резолютивную часть решения. Средства массовой информации в некоторых случаях так и поступают .

Как следует из разъяснения Пленума Высшего Хозяйственного Суда, суд может возложить на редакцию средства массовой информации, которая в силу ст. 52 Закона «О средствах массовой информации» освобождена от ответственности за распространение не соответствующих действительности порочащих сведений, обязанность сообщить о решении хозяйственного суда либо осуществить полное его опубликование (п. 8 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда №16 от 26 апреля 2005 года).

Пленум Верховного и Пленум Высшего Хозяйственного Судов, указывая, что в необходимых случаях суды должны изложить текст опровержения, не разъясняют что это за случаи (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 г., п. 12 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 г.). Это является главной причиной того, что в подавляющем большинстве случаев, в резолютивной части решения текст опровержения судьями не приводится.

Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые полагают целесообразным установить обязанность суда в резолютивной части решения излагать текст опровержения. В опровержении должно быть указано кем, в какой статье, в каком номере газеты опубликованы сведения, признанные судом не соответствующими действительности, и также должны быть перечислены эти сведения.

Существенное значение для восстановления чести, достоинства и деловой репутации истца имеют как содержание, так и способ опровержения. Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда сведения, порочащие лицо, должны опровергаться способом наиболее близким к способу их распространения: опубликование в печати, сообщение по радио, телевидению, замена документа, содержащего порочащие сведения, ликвидация порочащей информации, размещенной на плакатах, стендах, табло и иных средствах размещения, путем публичного выступления (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года и п. 12 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года).

Только применительно к двум случаям в законе установлен порядок опровержения: опубликование в тех же средствах массовой информации, в которых сведения были распространены и замена или отзыв документа, содержащего не соответствующую действительности порочащую информацию. (п. 2 ст. 153 ГК). В иных случаях, порядок опровержения устанавливается судом.

Определяя способ опровержения сведений, распространенных в печати, суд в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда № 15 от 23 декабря 1999 года, может обязать средство массовой информации применить порядок опровержения, указанный в Законе «О средствах массовой информации» (п.16). Данный порядок включает в себя условия об опубликовании опровержения в специальной рубрике либо на той же полосе, в том же объеме и тем же шрифтом, что и опровергаемое сообщение, а также срок опубликования. В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 16 от 26 апреля 2005 года подобного разъяснения нет.

Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве изученных нами дел данной категории суды не указывали в резолютивной части решения каким образом должно быть осуществлено опровержение. Лишь изредка суды указывали полосу газеты и шрифт, которым должно быть напечатано опровержение. Нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что порядок, установленный в Законе «О средствах массовой информации», является обязательным для средства массовой информации в любом случае. Как представляется, данный порядок обязателен лишь в случае ответа на обращение гражданина или юридического лица с требованием об опубликовании опровержения или ответа непосредственно к средству массовой информации. Опубликование опровержения по решению суда, должно быть произведено в соответствии с требованиями, указанными в решении. Если в решении не содержится указание насчет полосы, специальной рубрики, шрифта, подлежащих применению при опубликовании, редакция средства массовой информации определяет данные условия опубликования самостоятельно.

Анализ вышеперечисленных проблем защиты чести, достоинства и деловой репутации позволяет сделать вывод о необходимости более детального урегулирования в законе порядка опровержения сведений, опубликованных в средствах массовой информации. Поскольку, как нам представляется, для эффективной защиты указанных благ одинаково важным является и содержание и форма публикуемого опровержения, постольку каждое из этих условий должно найти детальную регламентацию в законе. В связи с этим предлагается следующая редакция абз. 1 п.2 ст. 153 ГК:

Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же

средствах массовой информации. Текст опровержения составляется судом с учетом мнения всех заинтересованных лиц. Опровержение, подлежащее опубликованию в печати, должно быть опубликовано на той же полосе и тем же шрифтом, что и опровергаемое сообщение. Внесение изменений органом массовой информации в текст опровержения либо комментариев к нему, который по содержанию оспаривает решение, не допускаются.

В судебной практике достаточно часто суды, вынося решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, обязывают ответчика принести истцу публичные извинения. Между тем, вопрос о правомерности вынесения таких решений является дискуссионным. Большинство ученых высказывают мнение, что извинение является видом опровержения и, следовательно, оно может быть использовано судом в качестве способа защиты чести и достоинства.

Однако данная позиция вызывает возражения со стороны ряда авторов. Так, по мнению Е.А. Ковалева, В.Д. Шевчука, суд не вправе возлагать на ответчика обязанность принести извинения, поскольку в законе такая возможность не предусмотрена¹⁵³. К.Б. Ярошенко полагает, что извинение нельзя считать равносильным опровержению, извинение – как один из способов заглаживания нравственного вреда - может быть использовано только наряду с опровержением. Такая санкция как извинение не предусмотрена законом, и, следовательно, «используемая в решении она сама по себе не может носить правового характера и обеспечиваться принудительными мерами, предусмотренными в гражданско-процессуальных кодексах»¹⁵⁴.

М. Липецкер также полагает, что поскольку обязанность опровергнуть порочащие сведения состоит в сообщении всем лицам, среди которых они были распространены, о несоответствии их действительности, эта обязанность не может быть подменена обязанностью извиниться¹⁵⁵.

В связи с рассматриваемой проблемой, интерес представляет позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии с п. 18 постановления от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и

---

¹⁵³ Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: Практ. рек. – Ярославль: Ред. газ. «Именем закона», 1995. – С.29.

¹⁵⁴ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд.-правовая защита личных неимуществ. прав граждан. - М.: Юрид. лит., 1990. – С.173

¹⁵⁵ Липецкер М. Гражданская ответственность за распространение несоответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций // Защита прав личности по гражданским делам: Материалы науч.-практ. конф. / Моск. обществ. науч.-исслед. ин-т судеб. защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах МГКА и МОКА. – М., 1966. – С. 6.

другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме. Вместе с тем суд вправе утвердить мировое соглашение, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принесение ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета.

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что извинение предполагает осознание своей неправоты, раскаяние в содеянном и только в этом случае может быть использовано как один из способов защиты чести, достоинства и деловой репутации. О возможности применения подобного способа может свидетельствовать, например, признание ответчиком иска. Вместе с тем, нельзя признать правильным полное отождествление такого способа защиты как опровержение с извинением ответчика. Опровержением можно считать только публичное извинение ответчика, в присутствии большинства из тех лиц, среди которых была распространена порочащая информация.

Опровержение порочащих сведений ответчиком есть мера, направленная на восстановление нарушенного права. Обязанность опровергнуть порочащие сведения не обусловлена виной ответчика, в связи с чем, вопрос о наличии или отсутствии таковой выясняется лишь при рассмотрении наряду с требованием об опровержении порочащих сведений требования о возмещении материального вреда, а также при выяснении причины распространения сведений. Между тем, наступление одинаковых последствий за распространение сведений, порочащих честь и достоинство истца для ответчика, который добросовестно заблуждался при оценке сведений, и для ответчика, который распространял заведомо ложные сведения, представляется не совсем оправданным. В связи с этим некоторые авторы пришли к выводу о необходимости установления мер ответственности за распространение не соответствующих действительности порочащих сведений в тех случаях, когда лицо, распространившее порочащие сведения действовало виновно. Так, Ю.В. Молочков предлагает законодательно закрепить в качестве меры ответственности за посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию, штраф взыскиваемый в пользу потерпевшего независимо от подлежащего возмещению неимущественного вреда¹⁵⁶.

В целом с данной позицией следует согласиться. Без сомнения, сам факт необходимости опровергнуть распространенные сведения чаще всего вызывает у распространителя

---

¹⁵⁶ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С. 15-16.

определенные моральные переживания, связанные с признанием собственной неправоты, и этого зачастую бывает достаточно для того, чтобы впредь человек был более осторожен в своих высказываниях. Воспитательная и превентивная функции правосудия в данном случае будут достигнуты. Однако следует признать, что это происходит не всегда. Иногда лица, выступающие по делу в качестве ответчиков, после удовлетворения иска, предъявленного к ним, вновь распространяют порочащую истца информацию. И это нередко связано с заранее запланированной, целенаправленной дискредитацией репутации истца, т.е. совершается умышленно.

Статья 153 ГК предусматривает два вида ответственности за распространение в отношении гражданина не соответствующих действительности порочащих сведений:

- возмещение убытков;
- возмещение морального вреда.

Юридические лица вправе взыскивать лишь причиненные распространением не соответствующих действительности сведений убытки (п. 5, 7 ст. 153 ГК).

Анализируя перечисленные меры воздействия на распространителя сведений, прежде всего, необходимо отметить, что компенсация морального вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина осуществляется независимо от вины причинителя вреда (п. 3 ст. 969 ГК). Ранее действовавшее законодательство предусматривало компенсацию морального вреда в данном случае лишь при наличии вины причинителя (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 10 от 20 сентября 1996 года «О применении законодательства, регулирующего материальное возмещение морального вреда»). Мы полагаем, что введение подобного правила вполне оправдано. Компенсация морального вреда, если он причинен, должна взыскиваться с лица, распространившего сведения, независимо от того, действовало это лицо умышленно или оно добросовестно заблуждалось относительно соответствия действительности сведений. Однако мы не можем согласиться с тем, что в данном случае наличие или отсутствие вины не должно влиять на размер компенсации морального вреда. В соответствии с п. 2 ст. 970 ГК при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Данные требования, на наш взгляд, не будут соблюдаться, если при определении размера компенсации морального вреда не учитывать отношение лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, к своему противоправному поведению. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в установлении дополнительных мер ответственности за распространение в отношении гражданина порочащих ложных сведений, необходимости нет. Как нам представляется, возможность требовать компенсацию морального вреда при условии, что

определение его размера будет зависеть от наличия или отсутствия вины причинителя вреда, является достаточной мерой гражданско-правовой ответственности.

Как уже отмечалось, в отличие от граждан, юридические лица вправе взыскивать лишь причиненные распространением не соответствующих действительности сведений убытки. Возмещение морального вреда юридическому лицу ст. 153 ГК Республики Беларусь, в отличие от аналогичной статьи ГК Российской Федерации¹⁵⁷, не предусмотрено. Однако необходимо отметить, что наличие причинно-следственной связи между убытками и распространением порочащей информации трудно доказуемо. К тому же наступление материального вреда не всегда является обязательным непосредственным последствием распространения порочащих сведений. Вместе с тем необходимо признать, что распространение порочащих сведений о юридическом лице, дискредитируя его деловую репутацию в глазах его нынешних или потенциальных клиентов, контрагентов, в той или иной степени всегда наносит вред его экономическим интересам.

Мнение, согласно которому понятие «моральный вред» не применимо к юридическому лицу, является господствующим в научной литературе. И с этим следует согласиться. Юридическое лицо не может испытывать физические или нравственные страдания. Однако в результате распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, наносится вред деловой репутации юридического лица, который не исчерпывается одними лишь убытками. Установление в данном случае дополнительной ответственности за распространение порочащих сведений необходимо для более сильного воздействия на личность распространителя, имеет своей целью предотвращение в дальнейшем подобного поведения ответчика, защищая тем самым интересы истца.

Исходя из этого, мы полагаем обоснованным высказанное в литературе мнение о необходимости предоставления юридическим лицам права требовать за дискредитацию, подрыв в глазах окружающих деловой репутации компенсацию, которая бы взыскивалась в денежной форме¹⁵⁸, независимо от вины распространителя сведений. Отметим при этом, что компенсация неимущественного вреда относится к мерам ответственности (штрафу), так как

---

¹⁵⁷ Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет гражданину, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Данное правило в части, касающейся деловой репутации гражданина, соответственно применяется и к защите деловой репутации юридических лиц (пункт 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации). Поэтому правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3).

¹⁵⁸ Боннер А. Можно ли причинить моральный вред юридическому лицу? // Рос. юстиция. - 1996. - №6. - С. 42.

выполняет компенсационную и штрафную функции¹⁵⁹. При определении размера этой компенсации суд должен учитывать наличие или отсутствие вины, а также её степень.

Порядок исполнения решений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации различается в зависимости от примененного судом способа защиты указанных благ. Особенностью решений о признании распространенных сведений не соответствующими действительности, как в исковом, так и в особом производствах, является то, что при реализации подобных решений участие каких-либо юрисдикционных органов невозможно. Исполнительное производство возникает только при исполнении решений, обязывающих должника к совершению определенных действий. Как уже отмечалось, такими действиями могут быть опровержение распространенных сведений, а также пресечение действий, нарушающих право.

Опровержение порочащих сведений традиционно относят к числу действий, которые никто, кроме должника, совершить не может. При неисполнении обязанности по опровержению в установленный судом срок должник может быть привлечен к административной ответственности. Кроме того, должностные лица, умышленно не исполняющие судебное постановление могут быть привлечены к уголовной ответственности (ст. 423 УК). Принятие данных мер не всегда приводит к выполнению должником обязанности по опровержению, в результате чего права истца остаются незащищенными. В законодательстве не содержится указания относительно того, каким образом необходимо поступать в случае, когда, несмотря на принятие всех предусмотренных мер, судебное решение, обязывающее должника совершить определенные действия, которые никто, кроме него совершить не может, остается неисполненным.

В литературе высказывается мнение, что в таких случаях суду надлежит обсуждать вопрос об изменении способа и порядка исполнения решения. Поддерживая его, Ф. Карманов в качестве примера изменения порядка исполнения, привёл следующее дело. Решением суда М. обязана была опровергнуть письменно по месту работы С. сведения о краже им её вещей. Ответчица решение не исполнила, а затем была осуждена за совершенное преступление. В связи с этим суд предложил администрации по месту работы С. поместить опровержение в стенной газете¹⁶⁰.

На наш взгляд, данное мнение и приведённый пример нельзя признать правильными. Прежде всего, под изменением порядка исполнения решения понимается изменение

---

¹⁵⁹ Малеина М. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. – 1995. - № 10. – С. 103.

¹⁶⁰ Карманов Ф. Исполнение решений по делам о защите чести и достоинства // Сов. юстиция. – 1986. - № 3. – С. 21.

последовательности предписанных действий¹⁶¹. В данном же случае, суд изменил способ исполнения решения. Однако возможность уполномочить другое лицо исполнить решение, обязывающее должника опровергнуть порочащие сведения, законодательством не предусмотрена. Такая возможность, как один из видов изменения способа исполнения решения, предусмотрена только для тех решений, которые могут быть исполнены другим лицом.

Применительно к решениям, обязывающим должника опровергнуть распространенные им сведения, под изменением способа исполнения решения понимается изменение способа опровержения. Однако подобное изменение не во всех случаях возможно. Так, в соответствии со ст. 153 ГК сведения, распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Возможность применения другого способа опровержения в данном случае законом не предусмотрена. Во всех остальных случаях способ исполнения решения может быть изменён путём замены способа опровержения. Вместе с тем, по рассматриваемой категории дел эту возможность следует использовать лишь в случаях, когда выяснится, что неисполнение решения обусловлено не зависящими от должника причинами. Когда должник уклоняется от исполнения данной обязанности, изменение способа исполнения решения не способно побудить его исполнить решение суда.

Как нам представляется, проблема исполнения должником обязанности опровергнуть распространенные им сведения может быть разрешена следующим образом. Необходимо отказаться от традиционной трактовки возможности исполнения подобных решений во всех случаях только должником. Она правильна, по нашему мнению, только когда в решении содержится требование опубликовать опровержение в тех же средствах массовой информации, в которых были распространены не соответствующие действительности сведения (абз. 1 п.2 ст. 153 ГК), и при вынесении решения, обязывающего должника заменить или отозвать документ, содержащий порочащую информацию (абз. 2 п.1 ст. 153 ГК). Подобные действия, действительно, никем иным, кроме должника, совершены быть не могут.

В то же время даже для этих двух случаев возможны исключения, о чем свидетельствует и судебная практика. По одному из дел судебная коллегия по гражданским делам Минского городского суда, пересматривая решение о защите чести, достоинства и деловой репутации в кассационном порядке, учитывая большой общественный резонанс, возложила обязанность опубликовать резолютивную часть решения за счет ответчика на газеты, которые в процессе не участвовали¹⁶². Следует отметить, что в последние годы в судебной практике стали чаще

---

¹⁶¹ Научно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь. / Под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. – Минск, ТЕСЕЙ. – 2005. – С. 471.

¹⁶² «Кассационные жалобы ответчиков оставить без удовлетворения...» – Рэспубліка. – 1999. – 10 снеж. – С. 1.

встречаться решения судов, обязывающие не участвовавших в процессе СМИ публиковать опровержения.

На наш взгляд, указанный подход к определению порядка опровержения оправдан, в частности, когда средство массовой информации, распространившее порочащие сведения, ликвидировано, а также в случаях, когда рассматриваемое дело имеет большой общественный интерес. Во всех остальных случаях позиция, согласно которой решения по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации могут быть исполнены только должником, по нашему мнению, ставит во главу угла необходимость добиться от должника признания своей неправоты. В то время как основной целью предъявления иска о защите чести, достоинства и деловой репутации является доведение до лиц, среди которых распространены порочащие сведения, информации о несоответствии их действительности. Мы несколько не умаляем значения цели добиться именно от лица, распространившего порочащие сведения их опровержения, но в то же время полагаем, что она вторична по отношению к самой цели опровержения. Иными словами, если предусмотренными законом средствами добиться от ответчика совершения действий по опровержению не представляется возможным, такое опровержение должно быть произведено другими лицам, с отнесением расходов по исполнению на счет должника.

Если судом применен такой способ защиты деловой репутации как пресечение действий, нарушающих право (ликвидация порочащей информации, размещенной на плакатах, стендах, табло и иных средствах размещения), то изменение способа исполнения может быть произведено применительно к ч.2 ст. 537 ГПК (ст. 211 ХПК). Поскольку такое решение может быть исполнено другим лицом, суд с согласия взыскателя вправе уполномочить другое лицо или самого взыскателя произвести исполнение за счет должника.